
БЕРЛИНСКАЯ (ПОТСДАМСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ И ЕЕ ИТОГИ

Подготовка конференции

В дипломатической истории Второй мировой войны Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, состоявшаяся 17 июля — 2 августа 1945 г., занимает особое место. Если предшествующие ей межсоюзнические встречи большой тройки в Тегеране и Ялте проходили в ходе войны и, естественно, много внимания уделяли военным вопросам и путям приближения победы над общим врагом, то конференция в Потсдаме (кодовое название «Терминал») была встречей победителей над фашистской Германией и ее союзниками. Лидеры антигитлеровской коалиции — И. В. Сталин, Г. Трумэн, У. Черчилль и сменивший британского премьер-министра в ходе конференции К. Эттли — собрались в столице поверженного Третьего рейха, чтобы заложить основы послевоенного мира.

Состоявшаяся на стыке эпох, на рубеже войны и мира встреча в Потсдаме за прошедшие годы и десятилетия обросла изрядным количеством мифов и легенд, несущих на себе отпечаток разочарований и несбывшихся надежд народов на мирное послевоенное будущее. Свою роль здесь сыграли эпоха холодной войны и биполярной конфронтации с их упрощенным, черно-белым видением прошлого и сменившая ее современная глава мировой истории, отмеченная пока еще неопределенностью и неустойчивостью складывающегося нового миропорядка.

Неослабевающий интерес к последней встрече союзников по антигитлеровской коалиции в годы войны вполне понятен. В мировой истории крупные дипломатические события, связанные с подведением итогов больших войн и послевоенным урегулированием, будь то Венский конгресс или Версальская конференция, всегда пользовались повышенным вниманием среди исследователей. Тем более что речь шла об окончании самой кровопролитной войны в истории человечества, покончившей с фашизмом, перевернувшей мир и на своем заключительном этапе возвестившей о начале ядерного века.

Едва ли кто тогда, в летние дни 1945 г., в обстановке победной общественной эйфории и радужных надежд миллионов простых людей во всем мире на светлое будущее предвидел, что имевшиеся разногласия между союзниками, хотя и закономерно усилившиеся к концу войны, когда пришла пора делить плоды общей победы, перерастут в непримиримый раскол между ними и после товарищества по оружию в рядах великой коалиции разведут их по разные стороны баррикад. Спады и подъемы в межсоюзнических отношениях в ходе войны,

конечно, случались, взаимные обиды возникали, подозрения в отношении намерений друг друга тоже имелись в избытке, тем более что благодаря разведкам была известна не только парадная, но и неприглядная закулисная сторона событий, но все-таки считалось, что в той или иной дипломатической комбинации основным игрокам удастся поладить между собой и найти новую действенную формулу продолжения сотрудничества в послевоенное время.

В то время во многих странах, в том числе в США и Великобритании, доминировали следующие общественные настроения: «Война была закончена, Потсдамская конференция не привела к открытому разрыву между победоносными союзниками. Несмотря на мрачные прогнозы в некоторых кругах на Западе, общее настроение в официальном Вашингтоне и Лондоне было осторожно оптимистичным; среди широкой общественности и в печати оно было еще более преисполненным надежд и энтузиазма. Исключительное мужество и тяжелейшие жертвы советских людей в войне против Гитлера породили мощную волну симпатий к их стране, которая во второй половине 1945 г. захлестнула многих критиков советской системы и ее методов; на всех уровнях существовало широкое и горячее стремление к сотрудничеству и взаимопониманию»¹.

Когда же вопреки доминирующим общественным настроениям сотрудничество между вчерашними союзниками переросло в открытую вражду и на смену войне горячей, в которой они выступали единым фронтом против общего врага — фашизма, пришла война холодная уже между ними, это вызвало политическую потребность на Западе скорректировать взгляд на Потсдамскую конференцию, как, впрочем, и на историю антигитлеровской коалиции в целом. В этой связи союз СССР, США и Великобритании стал изображаться как «противоестественный», «аномальный» и «случайный», а сама Потсдамская конференция чуть ли не как форум, возвестивший начало холодной войны.

В свою очередь, в Советском Союзе происхождение холодной войны изображалось как стремление США и их новых союзников доминировать над миром за счет интересов СССР и «других свободолюбивых народов», чему с советской стороны и был дан отпор на Потсдамской конференции.

В действительности все было куда сложнее. Имело место столкновение двух крупнейших геополитических мегапроектов послевоенного переустройства мира и его социальной реорганизации между главными победителями во Второй мировой войне, окрашенных в идеологические тона, которым в Потсдаме в продолжение линии Ялты удалось найти приемлемый и, к сожалению, временный компромисс.

В вопросе определения места и времени проведения Потсдамской конференции споров между союзниками не было. Сама ситуация после окончания военных действий в Европе не предполагала различных толкований. Один из тостов, предложенных по окончании переговоров И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Крыму, прозвучал за следующую встречу союзников в Берлине. Трудно было что-либо противопоставить очевидной логике подвести черту войне в столице поверженного Третьего рейха, хотя в узком кругу Г. Трумэн рассуждал о том, что настал черед И. В. Сталина приехать в Соединенные Штаты. «Президент сказал, — говорилось в ходе одного из совещаний в Белом доме, — что ему не нравился выбор места встречи в Германии, так как он считал, что на этот раз Сталин должен был прибыть к нам, и он имел в виду в качестве возможного места встречи Аляску»². Во всяком случае, каких-либо практических последствий эти идеи не имели и не стали предметом серьезных обсуждений между союзниками.

Сама по себе организация встречи в освобожденном советскими войсками Берлине в советской зоне оккупации рассматривалась в Москве как признание заслуг и вклада Советского Союза и его армии в разгром фашизма и освобождение народов Европы от нацистской тирании. Поскольку Берлин был сильно разрушен в результате бессмысленного сопротивления нацистов в последние дни войны, выбор, скорее всего по техническим соображениям, пал на расположенный поблизости от него старинный Потсдам, где хорошо сохранился оставленный семьей наследного принца Вильгельма дворец Цецилиенхоф. Но выбор Потсдама имел и глубоко символическое значение. Война вернулась туда, откуда

она пришла. Именно в самом центре Потсдама, перед гарнизонной церковью — усыпальницей прусских королей Фридриха Вильгельма Первого и Фридриха Второго, 21 марта 1933 г. престарелый фельдмаршал и рейхспрезидент О. фон Гинденбург преодолел себя и скрепил рукопожатием назначение А. Гитлера канцлером Германии. С этого момента время для немцев неудержимо шло к национальной катастрофе. В Потсдаме трагический круг истории замкнулся.

Сложнее оказалось определиться со временем проведения конференции. Каждая сторона имела свои предпочтения, а порой, и скрытые мотивы. Меньше всего сроки проведения конференции волновали советскую сторону, которая стремилась к согласованному решению, устраивающему все союзные государства. Единственный мотив, который при этом приходилось учитывать, был Парад Победы, намеченный на 24 июня и определявший рабочий график советского лидера. С подготовкой конференции до этой даты стороны явно не укладывались, поэтому в остальном Москва отдала инициативу в этом вопросе Лондону и Вашингтону и терпеливо ждала предложений с их стороны.

А вот между западными союзниками возникли серьезные разногласия, которые отражали различные подходы Г. Трумэна и У. Черчилля к предстоящим ответственным переговорам с советской стороной и пониманию ими значения политики с позиции силы в дипломатии. Стоит ли говорить, что армии всегда незримо присутствовали за столом переговоров союзников в годы войны, военная составляющая являлась неотъемлемой частью дипломатических успехов или неудач в межсоюзнических отношениях. И военно-политическая ситуация с окончанием войны в Европе благоприятствовала Советскому Союзу — под ударами Красной армии пал Берлин.

Первым вопрос о скорейшем проведении трехсторонней встречи в верхах поставил 6 мая, еще до официальной капитуляции Германии, У. Черчилль в своей переписке с новым американским президентом. Он хотел склонить на свою сторону пока еще неопытного в вопросах большой политики президента США. У. Черчилль считал необходимым, как подчеркивалось в его послании Г. Трумэну, «как можно скорее провести встречу трех глав правительств»³. Его логика была цинична и проста. Конференцию следовало провести как можно быстрее, пока еще англо-американские войска занимали в Европе выигранные позиции в нарушение соглашения об оккупационных зонах, а самое главное — пока американцы не начали вывод своих войск из Европы на Дальний Восток для войны с Японией. Заодно У. Черчилль ставил под сомнение и целесообразность проведения трехсторонней встречи в советской зоне оккупации под тем предлогом, что англо-американцы уже дважды ездили «на поклон» к И. В. Сталину.

Надо сказать, что с окончанием войны поведение У. Черчилля все больше отличало ощущение собственного бессилия в отношениях с главными союзниками — русскими и американцами, не говоря уже о его реальных возможностях определять ход событий. У. Черчилль любой ценой пытался перетянуть американцев на свою сторону и не допустить советско-американского сближения за счет британских имперских интересов. Пока был жив Ф. Рузвельт, надеявшийся осуществить новый передел мира прежде всего за счет проигравших войну держав оси, а также формальных американских союзников, ослабленных войной старых колониальных держав, У. Черчиллю это не удавалось. Он все больше оказывался на обочине мировой политики, где действовал безжалостный принцип соотношения военных и экономических потенциалов⁴.

В вышедшей недавно в США работе о Бреттон-Вудской конференции, заложившей основы послевоенной международной экономической системы и закрепившей верховенство доллара, действующей с некоторыми модификациями и по сей день, подробно повествуется о том, как Соединенные Штаты приступили к реализации планов своего послевоенного могущества в мире в ущерб Великобритании и ее системе имперских преференций. Конференция проходила с участием представителей 44 государств, но сценарий от начала до конца был написан под диктовку Соединенных Штатов, обладавших двумя третями мирового золотого запаса.

Возглавлявший английскую делегацию знаменитый экономист Дж. М. Кейнс, успешно отстаивавший интересы своей страны еще на Версальской конференции, не мог понять, что времена изменились. Он упорно настаивал не позволять американцам использовать войну «как возможность выколоть глаза Британской империи» и жаловался, что британский МИД был слишком расположен уступать американскому нажиму. «Если окажется, что умиротворять некого, то Форин-офис окажется безработным», — возмущенно говорил он, проводя параллели с довоенной политикой Н. Чемберлена. Но у Британии не было козырных карт, чтобы сыграть с американцами на равных⁵.

И хотя в период между Бреттон-Вудсом и Потсдамом Ф. Рузвельта не стало, инерция его политики примирения с И. В. Сталиным в Европе и на Дальнем Востоке и учета интересов Советского Союза как часть его «великого замысла» глобального передела послевоенного мира в интересах США, к неудовольствию У. Черчилля, пока еще действовала. Более того, толкала его на поспешные и непродуманные поступки, которые оборачивались серьезными политическими просчетами. Это было характерной чертой политики У. Черчилля в период между капитуляцией Германии и Потсдамской конференцией, которая стоила ему, «герою войны» и кумиру консерваторов, поста премьер-министра на парламентских выборах в июле 1945 г. В телеграмме из Лондона в НКВД от 27 июля 1945 г. советское посольство сообщало: «Результаты выборов свидетельствуют о том, что большинство английских избирателей отчетливо поняло, что победа консерваторов могла бы привести к войне с СССР.. Консерваторы не учли, что народ устал от шестилетней войны и не желает быть вовлеченным в новую, тем более с Советским Союзом»⁶.

В это же время американцы продолжали играть «собственную игру» и относились к англичанам как к младшим партнерам, которых по-прежнему можно было использовать в качестве тарана в отношениях с русскими в деликатных вопросах. Однако это не мешало англичанам и американцам и при новом президенте США быть, что называется, на одной волне. Именно это имел в виду И. В. Сталин, когда говорил маршалу Г. К. Жукову, что после смерти Ф. Рузвельта У. Черчилль быстро столкнется с Г. Трумэн. Но раньше времени американцы предпочитали все карты англичанам не раскрывать, что в первую очередь касалось их далеко идущих планов в отношении предстоящей мирной конференции и особенно атомной бомбы, информацию о которой они собирались выложить на стол переговоров в решающий момент.

Поэтому Г. Трумэн в ответ на настойчивые призывы У. Черчилля как можно раньше (чуть ли не в начале июня!) провести встречу в верхах повел себя весьма уклончиво, что вызывало большое раздражение премьер-министра, поскольку не укладывалось в его стратегический замысел. Раздражение еще больше усилилось, когда англичанам стало известно, что в окружении Г. Трумэна обсуждался вопрос о желательности его двусторонней встречи с И. В. Сталиным за день-два до начала трехсторонней встречи, что напоминало о традициях рузвельтовской дипломатии.

У. Черчилль категорически отказался участвовать во встрече, которая выглядела бы как продолжение сепаратной советско-американской встречи «за его спиной». Поведение У. Черчилля было несколько странным на фоне регулярных англо-американских встреч в годы войны и имевших место нескольких двусторонних советско-английских, среди которых выделялась состоявшаяся в октябре 1944 г. по инициативе англичан известная встреча в Москве по вопросу о разделе послевоенной Европы на сферы влияния.

Американцы в вопросе созыва конференции на тот момент избрали наилучшей тактикой «поспешать медленно». «Мой папа оттягивал начало работы конференции, потому что он хотел провести ее после того, как будет испытана атомная бомба»⁷, — признавала позднее дочь американского президента. При этом в Белом доме предпочитали переложить на англичан всю тяжесть переговоров с Москвой. В этой обстановке в большую политическую игру включились те, кто был искренне обеспокоен ухудшением отношений между союзниками после смерти Ф. Рузвельта и стремился остановить опасное сползание к конфронтации между ними.

Служащие и паровоз 7-й колонны НКПС, доставившей советскую делегацию на Потсдамскую конференцию

Главный вход дворца германского кронпринца. г. Потсдам, 1945 г.

Среди них выделялся бывший посол США в Советском Союзе в довоенные годы Д. Дэвис, о котором И. В. Сталин говорил, что «с ним можно иметь дело», а также Г. Гопкинс и один из немногих чиновников в Госдепартаменте, который был близок к Ф. Рузвельту, — Ч. Болен. При всей своей обеспокоенности состоянием дел они не считали, что ситуация безнадежна. По их мнению, надо было лишь приложить дополнительные усилия и проявлять понимание советских интересов, гибкость и готовность идти на компромиссы. Есть основания считать, что к этой группе советников, в отличие от «линии Гарримана» и стоявших за его спиной недоброжелателей Москвы, начал больше прислушиваться после череды первых дипломатических неудач и новый президент США.

К тому же это был тот исторический период, когда наступала новая эпоха, мир стоял перед судьбоносным выбором и все еще были возможны альтернативные варианты развития отношений между победителями в ближайшем будущем. Первая попытка заявить американское лидерство и ревизовать наследие Ф. Рузвельта с приходом в Белый дом нового человека явно не удалась и лишь обозначила паузу в отношениях с важным союзником, каким действительно в то время являлся Советский Союз, в самый неподходящий момент.

Речь идет и о жесткой по форме беседе нового президента в Вашингтоне с главой НКВД В. М. Молотовым в конце апреля 1945 г., ставший реакцией многозначительное согласие советского правительства направить его на конференцию в Сан-Франциско во изменение своего решения. Первоначальный отказ был связан с явно вызывающим по форме и недружественным по содержанию прекращением поставок в СССР по ленд-лизу и попытками превратить в предмет торга вопрос о выводе англо-американских войск из советской зоны оккупации, не говоря уже о ставшем известным в Москве планировании военных действий против советского союзника с привлечением разбитых частей вермахта (операция «Немыслимое»), вдохновителем которой выступал У. Черчилль.

Следует отметить, что советское руководство в это время проводило крайне осторожный и сдержанный курс и избегало отвечать ударом на удар, хотя у многих в Москве, особенно из числа военных, и возникало желание поставить партнеров на место. В западных столицах приходилось учитывать и состояние общественного мнения на гребне победы над фашизмом, не готового к резкой смене курса в отношении союзника за столь короткий отрезок времени. «Для западных правительств было непросто переключиться с изображения Советского Союза в качестве славного военного союзника на изображение его в роли нового и опасного врага»⁸.

Своеобразие военно-политической ситуации летом 1945 г. заключалось в том, что для Советского Союза война закончилась в Берлине и это повышало уровень его дипломатической маневренности, в то время как для Соединенных Штатов и Великобритании война еще продолжалась на Тихом океане, более того — вступала в решающую фазу, что, естественно, связывало им руки. Предстояла высадка на Японских островах, и число возможных жертв с американской стороны, судя по сражению за Иводзиму, согласно выкладкам военных, могло измеряться сотнями тысяч солдатских жизней, не говоря уже о продолжительности боев (согласно тем же прогнозам, вплоть до весны 1946 г.).

Военные соображения оставались мощным сдерживающим фактором в политическом планировании США в период подготовки мирной конференции. Всю войну Вашингтон настойчиво добивался вступления СССР в войну против Японии. И столь же последовательно в Москве делали все возможное, чтобы избежать войны на два фронта, нейтрализуя нередко провокационные действия со стороны США. В то же время И. В. Сталин взял на себя четкие обязательства в Ялте вступить в войну на Дальнем Востоке после разгрома фашистской Германии и собирался этим обязательствам неукоснительно следовать.

Военная необходимость связывала руки Вашингтону в преддверии Потсдамской конференции и настраивала президента Г. Трумэна на примирительный лад. «Было много причин для моей поездки в Потсдам, — признавал Г. Трумэн, — но наиболее важная, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы добиться от Сталина личного подтверждения вступления России в войну против Японии, чему придавали исключительное значение наши военные руководители»⁹.

Особняк, в котором размещался руководитель советской делегации И. В. Сталин

16 мая Г. Трумэн на пресс-конференции в осторожной форме заявил о возможности новой встречи большой тройки. Параллельно с двух сторон при полном неведении англичан и в обход Госдепартамента между Кремлем и Белым домом напрямую шел активный дипломатический зондаж с уточнением практических деталей при посредничестве посольства СССР в Вашингтоне, в котором активную роль сыграл Д. Дэвис. Именно по этому каналу американцам сообщили из Москвы 20 мая о согласии И. В. Сталина с идеей конференции и местом ее проведения в районе Берлина.

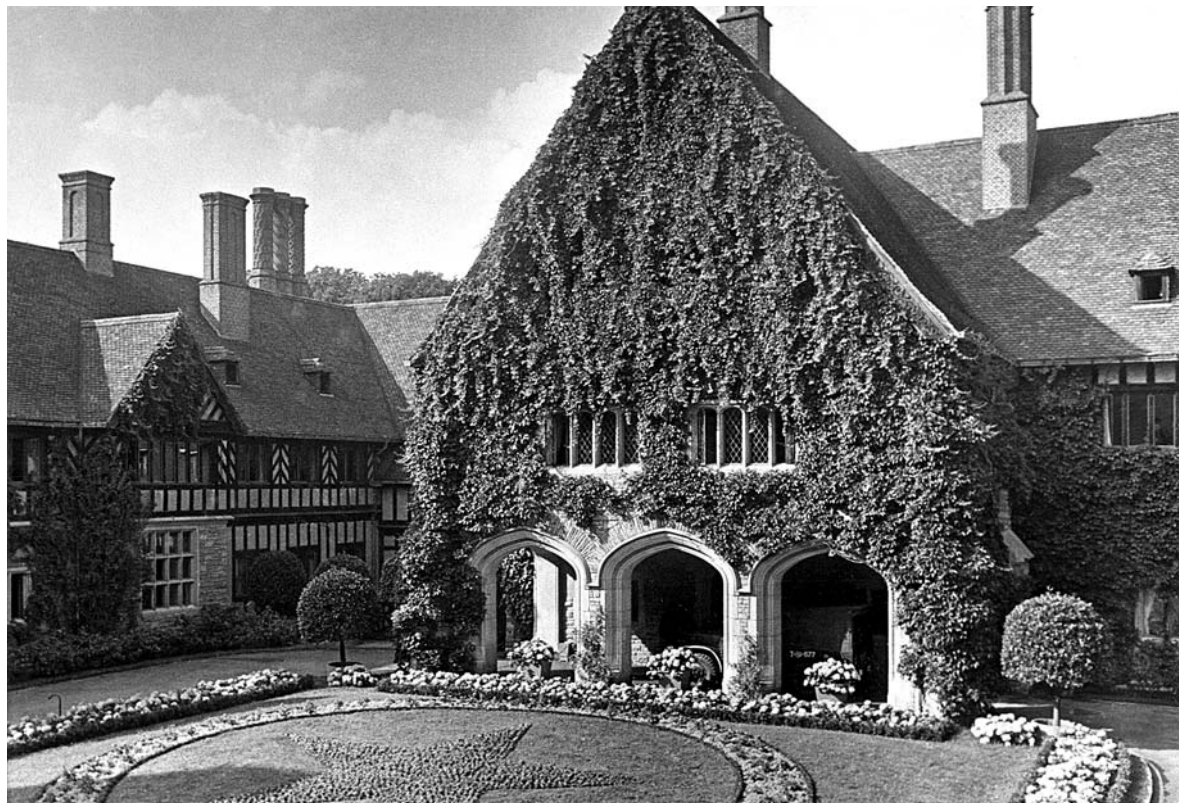
Однако все-таки главную роль в согласовании будущей конференции и определении узловых вопросов ее повестки дня имел визит в Москву в конце мая 1945 г. Г. Гопкинса. Его статус в отношениях с советскими руководителями был совершенно особым и опирался на взаимное доверие и прошлый опыт. Маршал Г. К. Жуков вспоминал: «Г. Гопкинс, по мнению И. В. Сталина, был выдающейся личностью. Он много сделал для укрепления деловых связей США с Советским Союзом»¹⁰.

В послании И. В. Сталину от 20 мая 1945 г. Г. Трумэн, ссылаясь на возникающие трудности при обсуждении сложных и важных вопросов на расстоянии, сообщал о своем желании, «пока не представится возможность для нашей встречи», направить в Москву «г-на Гарри Гопкинса с послем Гарриманом с тем, чтобы они могли обсудить эти вопросы лично с Вами». В тот же день И. В. Сталин дал ответ, в котором говорилось: «Принимаю с готовностью Ваше предложение о встрече с г-ном Гопкинсом и послем Гарриманом. Дата 26 мая меня вполне устраивает»¹¹. По тону ответного послания было легко понять, что советская сторона оценила предложенный шаг.

Как ближайший соратник Ф. Рузвельта Г. Гопкинс оставался верен наследию покойного президента. Встретившись перед отъездом с А. Гарриманом, Ч. Боленом и одним из «ястребов» в окружении Г. Трумэна военно-морским министром Дж. Форрестолом, он подверг критике политику У. Черчилля в отношении СССР и явно усматривал в ней корень зла в отношениях с русскими, поэтому предлагал дистанцироваться от нее.

Дворец Цецилиенхоф

Интерьеры дворца

Судя по инструкциям Г. Гопкинсу, Г. Трумэна волновало прежде всего то, чтобы его требования на переговорах в Москве не выглядели чрезмерными, и важнее всего был успех, а не максимально поднятая планка. Он явно стремился избежать, например, превращения вопроса о ситуации в освобожденных странах Восточной Европы в камень преткновения между Москвой и Вашингтоном и откровенно разъяснял своему эмиссару, что был бы готов довольствоваться проведением там формальных выборов. Явно в примирительном тоне он считал нужным говорить в Москве и в отношении разгоравшегося тогда по инициативе У. Черчилля конфликта вокруг Триеста, в который, поддерживая своего нового союзника И. Б. Тито, вынужден был втянуться И. В. Сталин. По мнению президента США, если бы в Кремле сделали какой-нибудь примирительный жест перед американской общественностью, этого могло оказаться достаточно. Таким образом, президент настраивал своего посланца на примирительный лад, хотя, хорошо зная его, мог смело этого и не делать¹².

В Москве Г. Гопкинса ждали радушный прием и нелюбезная сталинская критика политики нового американского руководства. Называя вещи своими именами, И. В. Сталин прямо сказал, что в отношении США с Советским Союзом наступило «заметное охлаждение», как только Германия потерпела поражение. В качестве примера он привлек внимание собеседника к прекращению поставок по ленд-лизу, при этом добавив, что если говорить с Советским Союзом начистоту, по-дружески, можно многое сделать, но репрессии, в какой бы форме они ни применялись, приведут к диаметрально противоположному результату. Посланец Белого дома, как мог, старался сгладить впечатление, произведенное действиями новых американских руководителей, и взывал к успешному опыту преодоления разногласий в прошлом.

В ходе переговоров, вместивших шесть встреч с главой советского правительства и отмеченных, по словам присутствовавшего на переговорах А. Гарримана, «исключительным доверием и редкой доброжелательностью», удалось снять некоторые проблемы, омрачавшие подготовку конференции. Был, наконец, согласован вопрос о реорганизации польского правительства на основе «ялтинской формулы», то есть приглашения в него прозападных деятелей. В Вашингтоне и Лондоне сочли, что Г. Гопкинс добился «оптимального решения» в сложившихся условиях. Основным итогом переговоров Г. Гопкинса в Москве явилось окончательное решение созвать новую встречу руководителей СССР, США и Великобритании в середине июля. Советская сторона назначила своего представителя в Контрольный совет по Германии и уточнила сроки вступления СССР в войну против Японии во исполнение ялтинских обязательств.

На обратном пути из Москвы Г. Гопкинс намеренно сделал остановку в Берлине, чтобы своими глазами увидеть место проведения конференции. Он не скрывал своего удовлетворения тем, что Москва согласилась с американским предложением о сроках ее проведения. Не посвященный в тайные замыслы нового президента, он всего лишь добросовестно выполнил возложенное на него поручение.

В своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков писал, что при их встрече Г. Гопкинс сказал: «Черчилль настаивает собраться в Берлине 15 июня, но мы не будем готовы для участия в таком ответственном совещании к этому сроку. Наш президент предложил назначить конференцию на середину июля. Мы очень рады, что господин Сталин согласился с нашим предложением. Предстоят весьма сложные переговоры о будущем Германии и других стран Европы, а уже сейчас накопилось много «горючего материала»¹³.

При встречах с американскими представителями в Европе Г. Гопкинс убеждал их в серьезности советских намерений идти по пути сотрудничества с США и считал, что главной опасностью является возможность возрождения германского милитаризма. По новым меркам Вашингтона, эти мысли едва ли можно было назвать своевременными. 8 июня, когда Г. Гопкинс отбыл из Москвы, А. Гарриман направил Г. Трумэну отчет об итогах его встреч в Кремле, в котором отмечал, что «Гарри выполнил первоклассную работу». В отчете, в частности, говорилось: «Я думаю, что визит Гопкинса оказался куда более успешным, чем можно было предположить. Хотя еще остаются и будут оставаться и впредь нерешенные с советским прави-

тельством проблемы, я уверен, что его визит создал намного более благоприятную атмосферу для Вашей встречи со Сталиным»¹⁴. А. Гарриман понимал, что президенту на тот момент нужен был успех в отношениях с Москвой, а не конфронтация. Остальное, как считали в ближнем окружении президента Г. Трумэна, должен был решить главный козырь — атомная бомба.

С началом Второй мировой войны дорогу ядерным исследованиям в США и практическому созданию атомного сверхоружия открыл именно президент Ф. Рузвельт. Ядерная программа США, получившая кодовое название «Манхэттенский проект», поначалу не имела никакого отношения к СССР и не была инициативным выбором администрации президента США, а началась под сильнейшим давлением со стороны мировой научной элиты, среди которой видную роль сыграли А. Эйнштейн и Н. Бор, в ответ на имеющиеся сведения о начале работ по созданию ядерного оружия в нацистской Германии («Проект У»).

Возможность реализации германского уранового проекта и создания атомной бомбы — фантастического по разрушительной силе оружия вызывала серьезную обеспокоенность в среде ученых-ядерщиков, особенно тех из них, кто на собственном опыте жизни в Германии был знаком с человеконенавистнической идеологией нацистов и их расовыми теориями. «Я уверен, что Гитлер не стал бы колебаться и мгновение перед тем, как применить атомные бомбы против Англии»¹⁵, — признавал министр вооружений и военного производства Третьего рейха А. Шпеер. Успей немцы создать ядерную боеголовку, и ракеты «Фау-2» обрушили бы на Лондон совсем другой груз. Оценивая сведения, полученные по каналам советской разведки о немецком «Проекте У», И. В. Курчатов писал: «Материал исключительно интересен. Он содержит описание конструкции немецкой атомной бомбы, предназначенной к транспортировке на ракетном двигателе «Фау»¹⁶.

Англо-американская кооперация в атомных исследованиях и совместная работа в годы войны, тайно закрепленная соглашением на Квебекской конференции в августе 1943 г., были для англичан мерой скорее вынужденной, нежели выполнением союзнического долга. Англичане опережали американцев и имели к тому времени уже большой научный и практический задел, что вызывало в Вашингтоне большую ревность. Поэтому именно американцы в 1941 г., пользуясь возможной угрозой германского вторжения на Британские острова, предложили англичанам объединить усилия в создании атомной бомбы. Летом 1942 г. между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем была достигнута договоренность о сосредоточении всех работ в США, и британский проект «Тьюб Эллойз» объединился с «Манхэттенским проектом». К этому времени исследования подошли к стадии промышленного производства, на которое у Лондона не было средств. Американцы, убедив англичан объединить усилия на своей территории и осуществлять совместный проект, в дальнейшем лишили их доступа к атомным секретам. В итоге англичане, будучи первопроходцами в этой области, создали атомное оружие на три года позже СССР.

Первоначально применение ядерного оружия планировалось американцами против Германии, а не только Японии, хотя эти факты на Западе старательно замалчиваются. Сегодня это кажется невозможной ситуацией, но тогда считалось, что война все спишет. Весь вопрос заключался во времени. В военных кругах США супербомба долгое время не рассматривалась как нечто принципиально новое. По мнению адмирала У. Леги, начальника штаба при верховном главнокомандующем вооруженными силами США и одновременно председателя Комитета начальников штабов и военного советника президента Ф. Рузвельта, это была всего лишь «более мощная взрывчатка». Англо-американские ковровые бомбардировки Дрездена в феврале 1945 г. с применением обычных фугасов мало чем отличались по числу жертв от последствий первой ядерной бомбардировки Хиросимы¹⁷.

Выбор целей в рамках «Манхэттенского проекта» был осуществлен в 1944 г., когда война против нацистской Германии все еще продолжалась. Поэтому предполагалось применение атомного оружия против Германии и Японии, что предусматривало различную тактику. Специально прикомандированный к «Манхэттенскому проекту» английский ученый, специалист по взрывотехнике У. Пенни занимался отработкой этой тактики применительно к архитектурным и конструкционным особенностям немецких и японских городов.

Как вспоминал после войны П. Тиббетс, пилот бомбардировщика Б-29, сбросившего первую атомную бомбу на Хиросиму, в Адриатическом море уже был найден остров в качестве базы дислоцирования американских бомбардировщиков на Европейском театре военных действий. П. Тиббетсу было приказано подготовиться «для нанесения бомбовых ударов одновременно в Европе и по Японии». Однако к весне 1945 г., еще до того как первая атомная бомба была готова, поражение нацистской Германии стало свершившимся фактом, «поэтому планы были ограничены Японией». Таким образом, Германия стояла на волосок от ядерных бомбардировок, и ее судьбу решило стремительное наступление Красной армии, хотя сегодня это и может показаться невероятным сценарием¹⁸.

Генерал НКВД П. Судоплатов вспоминал, как в октябре 1942 г., вскоре после первого доклада Л. П. Берии о начале ядерных работ в США, И. В. Сталин принял на своей даче в Кунцево академиков В. И. Вернадского и А. Ф. Иоффе. В. И. Вернадский, ссылаясь на неформальную договоренность крупнейших физиков мира о совместной работе, предложил обратиться к Н. Бору и другим ученым, эмигрировавшим в США, а также к американскому и английскому правительствам с просьбой поделиться информацией и вместе проводить работы по атомной энергии. На это И. В. Сталин ответил, что ученые политически наивны, если думают, что западные правительства предоставят нам информацию по оружию, которое даст возможность в будущем господствовать над миром. Однако он согласился, что неофициальный зондажный подход к западным специалистам от имени наших ученых может оказаться полезным¹⁹.

Между тем советские ученые, предлагая прямой разговор с главным союзником по ядерной тематике, имели в виду, что в американском истеблишменте, допускавшем известную свободу мнений, до поры до времени уживались разные точки зрения, были и те, кто считал необходимым поделиться с Москвой ядерными секретами еще до того, как бомба станет реальностью. И это были не только ученые с мировым именем, встревоженные перспективой атомной монополии США, такие как Э. Ферми, Л. Сциллард, Р. Оппенгеймер или В. Буш из лаборатории в Лос-Аламосе, где готовилось к испытанию первое ядерное устройство.

Для решения некоторых послевоенных проблем, касающихся применения ядерного оружия, военный министр США Г. Стимсон с одобрения Г. Трумэна учредил под своим председательством так называемый Временный комитет. В него вошли имеющие отношение к «Манхэттенскому проекту» видные ученые, военные и политические деятели. Впервые этот комитет собрался на заседание в полном составе 31 мая 1945 г., то есть когда уже полным ходом шла подготовка к Потсдамской конференции. Обсуждался вопрос об атомной политике, включая степень допустимости международного обмена информацией по этой проблеме.

Научный руководитель «Манхэттенского проекта» Р. Оппенгеймер предложил сделать шаги навстречу концепции «открытого мира», предложенной Н. Бором, что подразумевало свободный обмен информацией по ядерной проблематике с СССР. В ответ на это Г. Стимсон выразил сомнение в возможности такого сотрудничества, однако Р. Оппенгеймера неожиданно поддержал главный американский военный стратег генерал Дж. Маршалл, начальник штаба сухопутных войск США. Он заметил, что неуступчивость СССР скорее надуманна, нежели реальна и проистекала из вполне обоснованного беспокойства русских за безопасность своего государства. Генерал Дж. Маршалл «был уверен: нам не следует бояться того, что русские, узнав о нашем секрете, раскроют его японцам. Он поднял вопрос, насколько желательно пригласить двоих передовых советских ученых, чтобы они были свидетелями испытания Trinity («Троицы»)»²⁰.

Дж. Маршаллу возразил назначенный Г. Трумэном новым госсекретарем Дж. Бирнс, бывший сенатор из американской провинции, которого Ф. Рузвельт обещал сделать своим вице-президентом на выборах 1944 г., но в последний момент передумал. Дж. Бирнс «высказал опасение: если мы поделимся информацией с русскими, даже в общих чертах, Сталин захочет стать нашим партнером... Бирнс высказался о том, что наиболее желательно было бы форсировать исследования и производство, связанные с ядерной программой, чтобы быть уверенными: мы опережаем русских — и в то же время прилагать все усилия для улучшения

наших политических связей с СССР. С этим предложением согласились все присутствующие». Дж. Бирнс был в числе тех американских политиков, кто расчетливо предвидел, «насколько ценным козырем может быть ядерное лидерство США в послевоенных советско-американских отношениях»²¹.

И все-таки преувеличивать значение ядерной бомбы в качестве дипломатического оружия в ходе переговоров в Потсдаме не следует. Американцы еще не «вжились в образ» монопольных обладателей сверхоружия и в основном учитывали как сложившееся в Европе реальное соотношение сил, мощь СССР и искусство советской дипломатии, так и ближайшие задачи своей политики на Дальнем Востоке. Именно поэтому Потсдамская конференция пошла по оптимальному сценарию для всех ее участников и привела к весомым результатам.

Задачи и сверхзадачи в Потсдаме

Главный вопрос Потсдамской конференции — это ясное представление о позициях ее участников, их целях и задачах, которые в ходе напряженных переговоров становились совместными решениями. Тщательное изучение протоколов конференции и подготовительных материалов к ней, сопоставление свидетельств участников и очевидцев тех событий дают представление о подходе советской стороны к переговорам во дворце Цецилиенхоф.

Советской делегации предстояло решить поистине сверхзадачу: закрепить итоги войны, сохранить плоды победы и при этом не допустить раскола между союзниками, чтобы продолжить сотрудничество с ними в послевоенное время в интересах безопасности Советского Союза, восстановления его экономики и международной стабильности. Проще говоря, обессиленному войной Советском государству была нужна длительная передышка, а еще лучше — перспектива прочного мира на обозримое будущее, чтобы сосредоточиться на решении внутренних задач.

Советские цели на переговорах органично вытекали из всего предшествующего опыта СССР и дореволюционной России и носили скорее геополитический, прагматический, нежели идеологический характер. Существовал своего рода национальный консенсус на всех уровнях социальной лестницы, что колоссальные жертвы советского народа, принесенные в ходе войны на алтарь победы, не должны быть напрасны. Это рассматривалось советским руководством как своеобразный наказ народа своим руководителям. В. М. Молотов вспоминал: «Нам надо было закрепить то, что завоевано». И. В. Сталин, по его словам, был полон решимости не упустить исторический шанс и не «дать себя надуть», как это часто проделывал Запад с Россией в предыдущих войнах²².

На практике это означало укрепление территориальной безопасности Советского государства, закрепление в пользу СССР новых границ в Европе и на Дальнем Востоке, а самое главное — ликвидацию санитарного кордона и превращение сопредельных государств в надежных соседей и союзников Советского Союза.

Среди российских историков в основном сложился консенсус в отношении того, что на этапе освобождения Восточной Европы и первых послевоенных месяцев с советской стороны речь велась не о «советизации» или «социализации» освобожденных государств, а ставилась расплывчатая задача поддержки в этих странах дружественных режимов левого и антифашистского толка.

На уровне межведомственных согласований перед Потсдамской конференцией вопросы политического характера власти освобожденных государств затрагивались в самых общих чертах, а упор делался на их внешнеполитической ориентации и отношениях с Советским Союзом. В то время в Москве, видимо, стремились уходить от острых вопросов о социальной природе этих государств и их будущем политическом устройстве, чтобы не воскрешать довоенные страхи на Западе, вызванные «мировой коммунистической революцией». Тон

советского руководства и его риторика были скорее общедемократическими, пацифистскими и антифашистскими, нежели классово-непримиримыми и воинственно-идеологическими.

Генерал П. А. Судоплатов вспоминал: «Накануне Потсдамской конференции наши оценки были еще более оптимистичны. Берия и Голиков вообще не упоминали о перспективах социалистического развития Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Социалистический выбор как реальность для нас в странах Европы был более или менее ясен только для Югославии. Мы исходили из того, что Тито как руководитель государства и компартии опирался на реальную военную силу. В других же странах обстановка была иной. Вместе с тем мы сходились на том, что наше военное присутствие и симпатии к Советскому Союзу широких масс населения обеспечат стабильное пребывание у власти в Польше, Чехословакии и Венгрии правительств, которые будут ориентироваться на прочный союз и сотрудничество с нами. Наши военно-политические рекомендации по Германии также были далеки от установок на строительство социализма в оккупированной нами зоне. Речь скорее шла о том, чтобы в будущей нейтральной, разоруженной навсегда Германии создать мощную, стабильную, ориентирующуюся на Россию прогрессивную группу в немецком руководстве»²³.

Вопрос заключался в том, как убедить Запад согласиться с таким коренным поворотом в жизни народов Европы, означавшим, по сути, вхождение их в орбиту влияния Москвы. И здесь руководство СССР решило реализовать далеко не оригинальную, но проверенную международной практикой идею сфер влияния. По возможности советская сторона не вмешивалась в революционные события в Италии, Греции и других странах Западной Европы, где оккупационные англо-американские войска и местная администрация под флагом демократии действовали жестко, восстанавливали довоенные социальные порядки и изолировали левые силы.

Впрочем, сводить все к присутствию иностранных войск в освобожденных государствах, как это делают некоторые современные авторы, не следует²⁴. Конечно, присутствие иностранных войск всегда было важным ресурсом для родственных по природе и близких по духу внутренних сил.

Не стала исключением и Восточная Европа на заключительном этапе Второй мировой войны. Присутствие Красной армии, бесспорно, сказалось на внутреннем раскладе сил. Но главное заключалось в том, что в Европе еще в довоенный период произошел глубокий раскол элит и возник непримиримый конфликт между властью и народом. Вся Европа, и прежде всего Восточная, более склонная к соглашательству с сильным в конкретный исторический момент, была поражена страшной довоенной болезнью — коллаборационизмом, тягой правящих кругов к установлению фашистских и профашистских порядков.

Ответственность местных элит перед народом за роковой выбор, обернувшийся национальной катастрофой, была велика. Не важно, уступили они нацистам без борьбы (как в Чехословакии) или по своей воле и в своих интересах (как в Венгрии и Румынии) пошли на сговор с ними и приняли на их стороне участие в агрессивной и проигрышной войне. Повсеместный рост левых сил был закономерной реакцией на глубокий нравственный и общественно-политический кризис в Европе. Никто не может сказать, как выглядела бы ситуация без влияния внешних факторов с той и другой стороны. Советскому Союзу важно было в сложившихся после окончания войны в Европе условиях отстоять свои интересы и сохранить сотрудничество с Западом. Потенциально это была зона повышенной политической турбулентности.

Хорошо известно, ценой каких лишений и жертв Советский Союз завоевал победу. Страна лежала в руинах, и советское правительство не без оснований рассчитывало, что США (о надорвавшей в войне свои силы Англии говорить не приходилось) примут участие в ее восстановлении. Посылы на этот счет с американской стороны во время войны делались неоднократно, начиная с Московской конференции 1943 г. Оставалось, правда, неясно, какую цену американцы потребуют за свою помощь. Надеждами на послевоенное сотрудничество и желанием сократить военные расходы объяснялось и стремление советского руководства не обострять отношения с США и уступать им, если это не затрагивало коренные государственные интересы СССР.

Американские транспортные самолеты на берлинском аэродроме Гатов во время Потсдамской конференции

Британский премьер-министр У. Черчилль обходит строй почетного караула союзных войск на берлинском аэродроме Гатов

Однако как будет выглядеть мир после окончания мировой войны, политики затруднились ответить. Они, можно сказать, на ощупь следовали по незнакомому маршруту, поэтому многое зависело в то переходное время от государственных деятелей. Что касается подхода США к предстоящей конференции, то он был изложен в подготовленных для президента в стенах Госдепартамента и военного ведомства документах, отличавшихся по большей части желанием не уступать Советскому Союзу и добиваться выгодных для Вашингтона решений.

Особенно негативную роль в предстоящих переговорах играли американские представители в восточноевропейских странах — Барнс, Берри, Робертсон, Шенфельд, Штейнгардт, Лейн и другие, которые разжигали страсти и в утрированном свете представляли события на местах, пытались продвинуть к власти лояльных США политических деятелей из числа довоенной элиты, включая откровенных коллаборационистов, и настойчиво искали пути для реставрации довоенных порядков. В своих донесениях в Вашингтон они утверждали, что Советский Союз якобы порвал с ялтинскими соглашениями и встал на путь односторонних действий. Американский представитель в Болгарии М. Барнс сообщал 9 июля 1945 г., что, по его мнению, «война в Европе не кончилась, а вступила в новую фазу», в ходе которой «старое противостояние Англии, Соединенных Штатов и России против Германии превратилось в противостояние России против Англии и Соединенных Штатов»²⁵. Как считали американцы, им удалось нащупать болевые точки СССР, поэтому особенно большое значение они придавали вопросу о германских репарациях и послевоенной помощи в восстановлении советского хозяйства.

После более чем пятимесячного многозначительного выжидания, последовавшего за советскими предложениями от 3 января 1945 г. о предоставлении СССР кредита в 6 млрд долларов, посол А. Гарриман реанимировал этот вопрос и 9 июня в беседе в Народном комиссариате иностранных дел СССР заявил, что, по мнению его правительства, «долгосрочные кредиты являлись важным элементом в послевоенных отношениях между нашими двумя странами». Правда, не без скрытого смысла он многозначительно добавил, что для заключения такого соглашения потребуется получить санкцию конгресса.

Между собой деятели администрации Г. Трумэна называли вещи своими именами. Новый министр финансов Ф. Винсон, сменивший Г. Моргентау, в специальном меморандуме для президента отмечал: «Наличие таких кредитов укрепит вашу позицию на предстоящей встрече большой тройки. Советский Союз отчаянно нуждается во внешней помощи для своего восстановления». В первые дни работы Потсдамской конференции сенат одобрил бюджет Экспортно-импортного банка, часть которого предназначалась для кредитования торговли с Советским Союзом. При обсуждении сенатор Р. Тафт цинично заявил, что президент «должен предложить Сталину 1 млрд долл. в качестве откупного при решении других вопросов»²⁶.

Военный министр Г. Стимсон, который как распорядитель колоссальных бюджетных средств считал себя «духовным отцом» нового оружия и лучше других был осведомлен о закулисной стороне дела, попытался концептуально обосновать новый курс в отношении СССР. В подготовленном им для президента Г. Трумэна меморандуме «Размышления об основных проблемах, которые стоят перед нами» от 19 июля 1945 г. отвергалась возможность сотрудничества США с Советским Союзом ввиду «фундаментальных различий» в общественных системах двух государств и высказывалась мысль о необходимости коренных перемен в советском строе в качестве неперемного условия осуществления такого сотрудничества²⁷. В дальнейшем подобные взгляды легли в основу философии холодной войны. Но тогда такой настрой едва ли помог бы президенту США вернуться домой триумфатором в глазах общественного мнения.

Позиция У. Черчилля перед конференцией была смесью раздражения и воинственности, а нередко и откровенного обструкционизма по основным вопросам, что грозило конференции неизбежным провалом и поэтому не всегда получало поддержку со стороны американской делегации. В информации советского посла в Лондоне Ф. Т. Гусева накануне конференции указывалось, что в ходе состоявшейся беседы премьер-министр вел себя вызывающе и говорил в ультимативном тоне. «Одно из двух, — категорично заявил У. Черчилль, — или мы

сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру, и сейчас трудно предвидеть возможные результаты, если события будут развиваться по второму пути»²⁸. По сути, это был уже готовый сценарий холодной войны.

Для американцев по многим причинам столь жесткий сценарий был неприемлем на тот момент. Скорее всего, именно с целью не давать повода для критики с советской стороны и не выделять роль У. Черчилля в англо-американских отношениях Г. Трумэн отказался, как это делал в свое время и Ф. Рузвельт, от встречи с премьер-министром в Лондоне перед конференцией. И оказался прав. Первое, что спросил И. В. Сталин у Г. Трумэна при встрече в Потсдаме: не встречался ли тот уже с У. Черчиллем?

Прибыв в Берлин на день раньше И. В. Сталина, два западных деятеля воспользовались советским гостеприимством и отправились осмотреть столицу поверженного Третьего рейха. Зрелище было ужасным и не оставило их равнодушными. Посетив разгромленную при штурме рейхсканцелярию, премьер-министр поучительно произнес: «Отсюда Гитлер собирался править миром. Сколько их было таких, и все оскандалились». Захваченный советскими солдатами гитлеровский бункер произвел сильное впечатление и на президента США. «Вот что бывает, когда переоценивают свои возможности», — вырвалось у него²⁹. В свою очередь, реакция И. В. Сталина на увиденное в поверженной столице Третьего рейха была жесткой и лишённой сантиментов: «Так будет и впредь со всеми любителями военных авантур»³⁰.

Впечатления участников перед началом переговоров были многообещающими, однако извлекать уроки даже из новейшей истории способны далеко не все. Потсдамскую встречу следовало бы назвать конференцией «с двойным дном». За день до ее официального открытия, 16 июля, на базе американских ВВС в Аламогордо в штате Нью-Мексико произошло первое успешное испытание ядерного устройства, специально приуроченное к открытию конференции. Куратор проекта со стороны спецслужб генерал Л. Гровс был готов пренебречь крайне неблагоприятными погодными условиями, только чтобы поспеть к сроку. Поздно вечером в тот же день по каналам военного ведомства в Потсдам пришла на имя Г. Стимсона краткая шифровка: «Состоялось сегодня утром. Диагноз пока не полный, но результаты удовлетворительные и уже выше ожиданий». Мощность ядерного взрыва составила почти 19 киллотонн в тротиловом эквиваленте, что в четыре раза превышало прогноз. Найденные на расстоянии 800 ярдов³¹ от эпицентра взрыва тела диких кроликов полуиспарились³².

Дискуссии и решения

Президент США наверняка уже владел полученной информацией, когда на следующий день отправился на свою первую встречу с И. В. Сталиным за пять часов до официального открытия конференции. В ходе состоявшейся беседы он подчеркнул, что «очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым он хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом». В ответ И. В. Сталин заверил: «Со стороны советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США», при этом заметив, что «без трудностей не обойтись и что важнее всего желание найти общий язык»³³. На первом пленарном заседании он предложил Г. Трумэну исполнять председательские обязанности, видимо, желая этим подчеркнуть особое отношение к Соединенным Штатам.

Даже сухие отредактированные протокольные записи заседаний конференции передают большое напряжение и эмоциональный накал за столом переговоров во дворце Цецилиенхоф. Главные участники, вероятно, чувствовали, что они вершат судьбы мира. Центральное место занимали проблемы европейского урегулирования, прежде всего германский вопрос. К тому времени проблема расчленения Германии, которую, согласно американскому «плану

Моргентау» предполагалось превратить в деиндустриальное пасторальное государство, стала уже неактуальной. Директива американского Объединенного комитета начальников штабов, за которой скрывался пресловутый план, была отменена другой, официально закреплявшей новые цели: объединение западной зоны Германии и поощрение германского самоуправления. «Для американцев в первую очередь Германия быстро переставала быть врагом»³⁴.

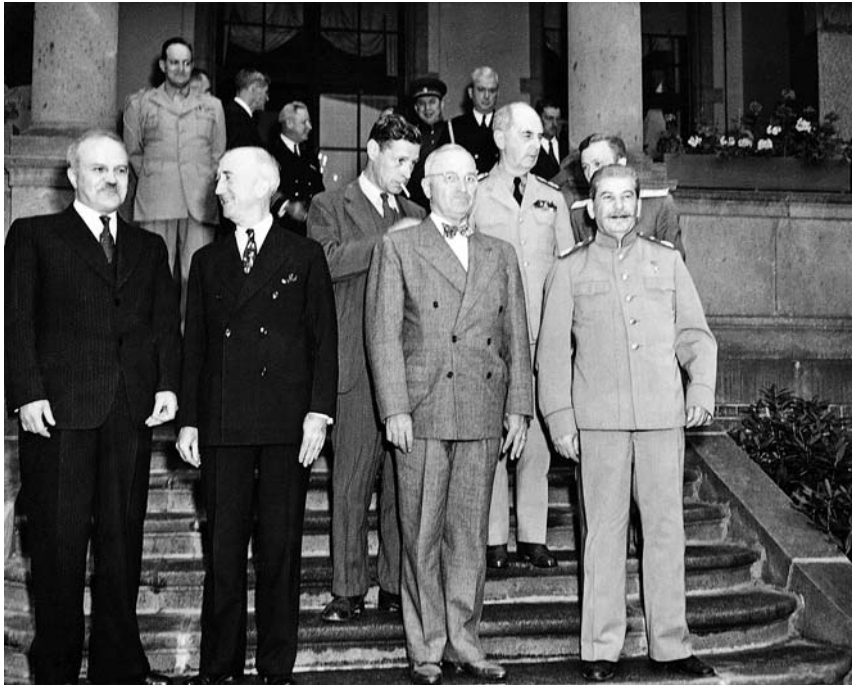
В Москве к концу войны не верили в осуществимость расчленения Германии и участвовали в обсуждении постольку, поскольку не хотели вносить разлад в отношения с западными союзниками. В то же время все сходились на том, что важно было никогда не допустить повторения новой агрессии с немецкой земли и создать в Европе прочные гарантии сохранения длительного послевоенного мира. Поэтому политические условия обращения с Германией на послевоенный период, знаменитые четыре «Д» — демократизация, демилитаризация, денацификация и декартелизация, были легко согласованы между участниками конференции.

Большое значение для судеб Европы и всего мира имела достигнутая участниками конференции договоренность о том, что германский милитаризм и нацизм будут искоренены и в будущем приняты другие меры, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Была согласована цель «окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе». Как будет выглядеть послевоенная Германия с точки зрения своей политической системы, структуры власти и государственного устройства, тогда еще точно никто не знал, хотя стороны и имели свои скрытые предпочтения, но на тот момент все участники исходили из того, что она сохранится как единое целое и избежит раскола. Однако некоторые нюансы в дискуссии настораживали уже тогда.

У. Черчилль, который в традициях английской политики хотел восстановить место Германии в нарушенном войной европейском балансе сил, заявил в ходе второго заседания конференции: «Главный принцип, который мы должны рассмотреть, заключается в том, должны ли мы применять однородную систему контроля во всех четырех зонах оккупации Германии или будут применены различные принципы к различным зонам оккупации». В ответ последовало замечание И. В. Сталина: «Этот вопрос как раз предусмотрен в политической части проекта. Я так понял, что мы стоим за единую политику». Г. Трумэн его поддержал, и У. Черчилль ретировался, увидев совместный фронт своих партнеров³⁵.

Серьезные разногласия обнаружились, когда перешли к обсуждению положения в освобожденных государствах. Тон задал президент Г. Трумэн. Настроенный Госдепартаментом США на жесткое противостояние, он потребовал «немедленной реорганизации теперешних правительств Румынии и Болгарии» в качестве условия установления с ними дипломатических отношений и последующего заключения мирных договоров. При этом Г. Трумэн считал возможным, руководствуясь чисто американской логикой, которая со временем получила ярлык «двух стандартов», проявить особое расположение к Италии и предложить оказать ей поддержку в вопросе о вступлении в только что созданную Организацию Объединенных Наций. Вероятно, американская делегация исходила из того, что если удалось преобразовать польское правительство, то почему такое невозможно с другими странами-сателлитами.

Это был политический вызов, но И. В. Сталин к этому оказался готов. Он не стал вступать в спор по существу и доказывать, что ситуация в двух названных странах была безупречной с точки зрения выполнения подписанной в Ялте «Декларации об освобожденной Европе», а лишь ограничился замечанием, что она не лучше и не хуже, чем в других освобожденных странах, то есть объединил положение дел в Европе — как в той зоне, где стояли советские войска, так и там, где воцарилось западное влияние. При этом особый упор он делал на наиболее одиозный пример — сохранение у власти режима Ф. Франко, который, формально не объявляя войны СССР, направил в поддержку А. Гитлера войска на восточный фронт — «голубую дивизию». Глава советской делегации, переведя разговор, явно поставил в неловкое положение своих партнеров, заставив их оправдываться. Он спокойно, без нажима излагал свои мысли, подчеркнув, что режим Ф. Франко был навязан испанскому народу извне, а не

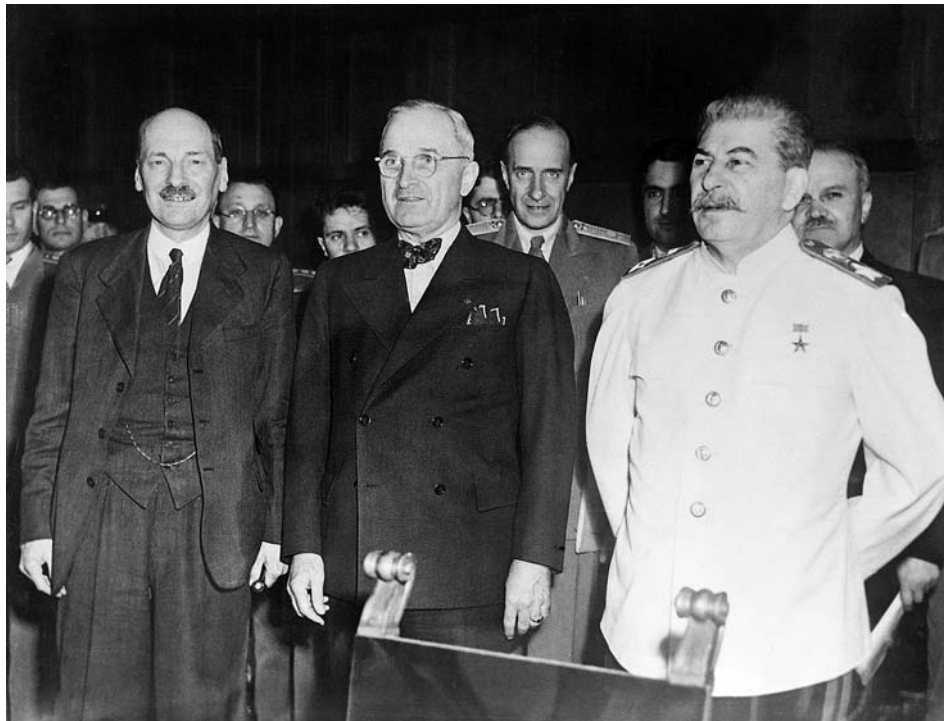
И. В. Сталин, Г. Трумэн, Дж. Бирнс и В. М. Молотов у крыльца резиденции президента США на Потсдамской конференции

Делегации большой тройки за столом переговоров на Потсдамской конференции

Маршал Польши М. Роля-Жимерский у дворца Цецилиенхоф в Потсдаме

И. В. Сталин, Г. Трумэн и К. Эттли на Потсдамской конференции

Советская делегация во время перерыва в заседании

возник естественным путем, и продолжал подпитывать полуфашистские режимы в других странах Европы. Вот где была настоящая проблема для европейской демократии. Подводя черту, И. В. Сталин заметил: «Я бы только хотел, чтобы испанский народ знал, что мы, руководители демократической Европы, относимся отрицательно к режиму Франко». Примечательно, что И. В. Сталин не потребовал свержения режима Ф. Франко или его реорганизации, на чем настаивали партнеры по переговорам в отношении Болгарии и Румынии, а всего лишь призывал к его моральному осуждению. В результате Г. Трумэн предложил передать вопрос на рассмотрение министров иностранных дел.

Таким образом, если в Тегеране и Ялте И. В. Сталин и Ф. Рузвельт оппонировали друг другу на равных, то в Потсдаме советский лидер ненавязчиво демонстрировал свое дипломатическое превосходство над своими партнерами.

Между тем борьба по вопросу освобожденной Европы продолжалась с неухабной силой. США постарались добиться ускоренной нормализации международного положения Италии, где американцев все устраивало, и продолжали требовать перемен в Болгарии и Румынии. Дело дошло до того, что американская делегация предложила подписать два отдельных документа с рекомендациями по Италии и другим странам — сателлитам Германии, в то время как советская сторона выступала за единый документ. Англичане, в свою очередь, мотивировали собственную неготовность установить дипломатические отношения и согласиться со вступлением Румынии и Болгарии в ООН тем, что правительства этих стран представляли «коммунистическое меньшинство».

Это выглядело как откровенное давление Запада на страны Восточной Европы, а использование в этих целях вопроса их международного признания было равнозначно отказу им в легитимности. Дипломатический торг подошел к опасной черте, и на такой основе компромисс был невозможен. Нарастающее раздражение чувствовалось и в реакции главы советской делегации, которому пришлось назвать вещи своими именами. И. В. Сталин сказал, что у Италии имелись большие грехи перед Россией, итальянские войска вторглись на Украину, воевали на Дону и Волге вместе с вермахтом — «так далеко они забрались в глубь нашей страны». Но при этом он заметил, что необходимо оставить чувство обиды и мести, поскольку «в политике надо руководствоваться расчетом сил», и предложил перейти к политике облегчения положения бывших союзников Германии всех вместе и начать с восстановления дипломатических отношений с ними, имея в виду страны Восточной Европы, так как с Италией к этому времени дипломатические отношения уже установили США и СССР. «Могут возразить, что там нет свободно избранных правительств. Но нет такого правительства и в Италии. Однако дипломатические отношения с Италией восстановлены. Нет таких правительств во Франции, в Бельгии. Однако ни у кого нет сомнений по вопросу дипломатических отношений с этими странами»³⁶.

Тем не менее западные партнеры продолжали упорствовать в занятой позиции. Американцы задавали тон, а англичане выступали в их поддержку. Вопрос грозил торпедировать всю конференцию. 24 июля, когда в Потсдам пришел подробный отчет о ядерном испытании, в тоне Г. Трумэна послышались металлические нотки: «Я уже несколько раз говорил, что мы не можем восстановить дипломатические отношения с этими правительствами до тех пор, пока они не будут организованы так, как мы считаем нужным»³⁷. В ответ на этот ультиматум И. В. Сталин, следуя столь же безапелляционной манере, заблокировал вопрос о легитимизации положения в Италии, лишив ее поддержки при вступлении в ООН, и наотрез отказался присоединиться к американскому проекту резолюции.

В конечном счете, после хождения по кругу и топтания на месте участникам удалось найти «резиновую» дипломатическую формулу, которая при всей ее расплывчатости все-таки не допускала откровенной дискриминации указанных стран. В протоколе конференции было записано, что правительства трех держав, «каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами». Это трудно было назвать

твердым обязательством со стороны западных партнеров, скорее расплывчатым соглашением, которое оставляло почву для дальнейшей борьбы за страны Восточной Европы в ходе подготовки с ними мирных договоров.

Разработкой этих договоров предстояло заняться созданному решению конференции Совету министров иностранных дел (СМИД) пяти держав: СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. Советской делегации, должно быть, уже тогда стало ясно, что Запад не отказался от борьбы за Восточную Европу и будет стремиться ограничить влияние там Советского Союза. Каждая сторона защищала свои политические позиции, что ясно говорило о появлении первых признаков будущего раскола Европы.

Не менее остро в Потсдаме проходило и обсуждение польской проблемы, которая в годы войны наиболее полно вместила в себя межсоюзнические противоречия по послевоенному устройству мира. Политическая ситуация в Польше, приход к власти там просоветских сил не устраивали Лондон и Вашингтон, особенно с учетом шестимиллионной польской диаспоры в США, большей частью враждебно настроенной к Советскому Союзу. Но в тот момент, не отказываясь от борьбы за Польшу, им пришлось под давлением обстоятельств пойти на признание польского временного правительства расширенного состава на основе «ялтинской формулы» и прекратить отношения с польским правительством Т. Арцишевского в Лондоне. У. Черчилль даже заявил в начале работы конференции: «Я хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы сказать, как я рад улучшившемуся положению в Польше за последние два месяца»³⁸. Надежды на укрепление в Польше позиций своих сторонников американцы и англичане связывали с предстоящими в Польше выборами.

В связи с этим большое значение приобретал в Потсдаме вопрос о закреплении новой западной границы Польши, лишь в самых общих чертах согласованный союзниками в Крыму. По сути, речь шла о суверенитете и государственности Польши, возрождавшейся после нацистской оккупации в новых территориальных границах. Для Советского Союза это был также чувствительный вопрос его территориальной безопасности, связанный с послевоенным миром в Европе и созданием прочных гарантий против новой агрессии со стороны Германии. Неслучайно И. В. Сталин говорил, что проблема Польши — это «вопрос жизни и смерти для Советского государства».

Скорее всего, в силу комплекса этих причин вопрос о западной границе Польши был превращен союзниками в предмет острого политического торга. Новая западная граница рассматривалась ими как большой шаг навстречу послевоенной Польше, политическая ситуация в которой им была еще не ясна до проведения там выборов и могла, как они считали, эволюционировать в любую сторону.

29 июля Г. Трумэн угрожающе заявил, что «поляки не могут получить всего, чего они хотят, что и так он делает им большую уступку». Важно было склонить маятник в сторону Запада. Поэтому президент США первоначально вообще предложил отложить признание польско-германской границы по Одере — Нейсе до мирной конференции, что противоречило согласованному в Ялте с его предшественником решению о переносе польской западной границы путем приращения польской территории на севере и западе. Словно не ведая о том, кто стал первой жертвой германской агрессии, он мотивировал свой отказ тем, что это ущемит интересы Германии, лишит ее четверти пахотных земель и угольных ресурсов и тем самым помешает выплате ею репараций. Последнее должно было рассматриваться как сигнал в сторону И. В. Сталина. У. Черчилль оказался еще более категоричен, заявив в ходе заседания 21 июля 1945 г.: «Я считаю, что поляки не имеют права взять себе эту часть Германии»³⁹.

Реакция И. В. Сталина была юридически взвешенной и опиралась на достигнутые в Ялте решения по Польше и конкретное положение дел, которое сложилось в результате наступательных операций Красной армии, повлекших за собой массовый исход немецкого населения с этой территории в глубь Германии. Кроме того, он предпринял неожиданный ход и предложил пригласить в Потсдам польскую правительственную делегацию для выяснения ее мнения, чтобы соблюсти демократические приличия и спросить мнение заин-

тересованных лиц, а не действовать за их спиной. С этим трудно было спорить, поэтому вопрос приобретал невыгодную для Лондона и Вашингтона публичность в глазах польского общественного мнения.

Естественно, приглашенные на конференцию поляки, независимо от их политических взглядов, с жаром отстаивали общенациональные интересы. С высоты времени можно сказать, что «размен» территорий был выгоден Польше. Наметившемуся согласию уже не могли помешать попытки англичан оставить поле для дальнейшего торга и навязать полякам границу по Восточной Нейсе. В конечном счете, вопрос решился на компромиссной основе в пользу поляков. Хотя окончательное решение было отложено до мирного урегулирования, в протоколе конференции четко указывалось, что под управление Польского государства переходили бывшие германские земли к востоку от линии рек Одер — Западная Нейсе.

Потсдамская конференция в большей степени, чем другие саммиты большой тройки, была отмечена жестким дипломатическим торгом как в больших, так и в малых вопросах. Борьба шла буквально по каждому пункту повестки дня. Г. Трумэн и Дж. Бирнс, приехавшие на конференцию с мыслью «не уступать русским», широко практиковали тактику пакетных соглашений или увязок между собой порой не связанных проблем с целью выторговать для США наилучшие условия.

Главным средством давления на Советский Союз и получения от него существенных уступок стали репарационная проблема и другие вопросы, представлявшие жизненно важный интерес для истощенной войной советской экономики. Если Ф. Рузвельт на межсоюзнических встречах любил пускаться в длинные рассуждения о благодарности советскому народу за принесенные им на алтарь победы жертвы, то для Г. Трумэна, известного своей циничной фразой в начале войны о пользе для США уничтожения русских и немцев «как можно больше», моральная сторона вопроса просто не существовала.

Трудно сказать, на что рассчитывали на конференции большие прагматики И. В. Сталин и В. М. Молотов, когда пытались пробудить у своих партнеров сочувствие к положению советского народа, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны. Во всяком случае, эта тема не раз поднималась советской стороной на переговорах при обсуждении репарационной проблемы. И. В. Сталин на заседании 25 июля говорил: «Я не привык жаловаться, но должен сказать, что наше положение еще хуже (чем Великобритания. — *Прим. ред.*). Мы потеряли несколько миллионов убитыми, нам людей не хватает. Если бы я стал жаловаться, я боюсь, что вы тут прослезились бы, до того тяжелое положение в России». В. М. Молотов неоднократно напирал на то, что война обошла стороной территорию Соединенных Штатов и нанесла колоссальный ущерб Советскому Союзу⁴⁰.

Едва ли сказанное советскими представителями было способно разжалобить западных политиков, зато лишний раз подтверждало их оценки бедственного положения СССР после войны и укрепляло в мысли использовать это положение к своей выгоде. Получалось, что в Потсдаме закладывалась схема на весь послевоенный период отношений как с Советским Союзом, так и позднее с Россией.

Если в Крыму Ф. Рузвельт по подсказке Г. Гопкинса пошел навстречу интересам СССР и согласился принять цифру в 20 млрд долларов как основу для взыскания репараций с Германии, из которых 10 млрд причиталось бы Советскому Союзу, то У. Черчилль, не желая связывать себе руки, отказался это сделать. В Потсдаме и Г. Трумэн, ссылаясь на то, что положение проигравшей войну Германии оказалось якобы намного тяжелее прогнозов, также отошел от взятых его предшественником обязательств. За спиной президента стояла фигура крупного калифорнийского нефтепромышленника Э. Поули — американского представителя в созданной ялтинскими решениями репарационной комиссии в Москве, деятельность которого завела проблему репараций в тупик: 37 заседаний комиссии закончились безрезультатно. Один из членов американской делегации отмечал: первые шаги Э. Поули «ясно показали Советам, что в действительности его предложения преследовали цель ревизовать ялтинские договоренности»⁴¹.

Высшие офицеры СССР и США на встрече начальников генеральных штабов во время Потсдамской конференции

Британские фельдмаршалы Х. Александер и Г. Уилсон на прогулке с военным министром Г. Симпсоном

Советские дипломаты А. Я. Вышинский и А. А. Громыко беседуют с Дж. Бирнсом на аэродроме

Британские дипломаты А. Керр и А. Кадоган во дворце Цецилиенхоф

Экономический блок проблем в Потсдаме оказался самым запутанным и, наверное, именно поэтому менее всего изученным в отечественной литературе. Ремонтная проблема была, конечно, центральной, но не единственной. Вместе с ней в тугой узел увязывались и другие экономические вопросы, требовавшие справедливого решения: германского золота, активов, ценных бумаг и инвестиций за рубежом, немецкого военного и торгового флота. При их обсуждении кипели страсти, просматривались интересы крупных западных корпораций и их довоенные связи с немецкой промышленностью. В этой области, в переводе на дипломатический язык, наиболее остро проявились различия между государственной экономикой СССР и рыночной экономикой Запада.

Ради получения немецких репараций, прежде всего столь нужного стране промышленного оборудования, советская сторона отказалась от получения германских активов, инвестиций, ценных бумаг в западных зонах оккупации, что, ко всему прочему, было, вероятно, связано с трудностями состыковать их с командной советской плановой экономикой, а также от так называемого германского золота, награбленного со всей Европы. «Мы потеряли страшно много оборудования в этой войне, страшно много. Надо хоть одну двадцатую часть возместить», — говорил И. В. Сталин на заседании 31 июля 1945 г., когда обсуждалась ремонтная проблема⁴². В стремлении к осязаемым немедленным выгодам, которые, в конечном счете, оказались весьма скромными, он был готов пойти навстречу Западу в интересующих его вопросах. Поэтому изумлению сталинским великодушием среди западных политиков не было предела, какое-то время они даже не могли поверить в свою удачу.

Представление дает состоявшийся обмен мнениями по этим вопросам 1 августа 1945 г., накануне закрытия конференции. Так, Дж. Бирнс докладывал конференции, что в предварительном порядке на уровне министров советские представители согласились отказаться от претензий в отношении германских заграничных активов, золота, захваченного у немцев, и акций германских предприятий в западных зонах. При этом было добавлено, что если сказанное предварительно не будет подтверждено официально, то уже согласованные проценты изъятия промышленного оборудования из западных зон станут неприемлемы для США и Англии. В разговор включился И. В. Сталин, который сказал, что германские инвестиции в Восточной Европе сохраняются «за нами», а все остальное остается «за вами».

Г. Трумэн не мог поверить сказанному: «Речь идет только о германских инвестициях в Европе или в других странах?» И. В. Сталин ответил: «Я скажу еще конкретнее: германские инвестиции, которые имеются в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, сохраняются за нами». Наступил черед англичан выразить изумление советской широтой. Сменивший А. Идена на посту английского министра иностранных дел Э. Бевин переспросил: «Германские инвестиции в других странах сохраняются за нами?» На что И. В. Сталин подтвердил: «Во всех других странах, в Южной Америке, в Канаде и т. д. — это все ваше». В это невозможно было поверить, и Э. Бевин на глазах терял самообладание: «Следовательно, все германские активы в других странах, расположенных к западу от зон оккупации Германии, будут принадлежать США, Великобритании и другим странам? Это также относится и к Греции?» На что последовало короткое сталинское: «Да».

Э. Бевин уступил трибуну Дж. Бирнсу, которого интересовало, как это относится к вопросу об акциях германских предприятий. И. В. Сталин ответил: «В нашей зоне они будут у нас, в вашей зоне — у вас». Но Дж. Бирнс решил добиться полной ясности, напомнив, что накануне американцы сделали вывод: СССР не будет претендовать на акции в западной зоне. И несмотря на утвердительный ответ И. В. Сталина, он опять уточнил: «Если предприятия находятся не в Восточной Европе, а в Западной Европе или в других частях света, то это предприятие остается за нами?» Глава советского правительства подтвердил: «В США, в Норвегии, в Швейцарии, в Швеции, в Аргентине (общий смех) и т. д. — это все ваше».

Взяв слово, Э. Бевин вновь спросил, готов ли генералиссимус отказаться от всех претензий по германским заграничным активам, которые находятся вне зоны русских оккупационных войск. И. В. Сталин терпеливо подтвердил это, и тогда в разговор опять вмешался Дж. Бирнс, уточняя позицию советской стороны в отношении золота. И. В. Сталин коротко

заявил: «Мы уже сняли наши претензии на золото». Но Дж. Бирнса все еще продолжал интересоваться вопросом, как понимать советское предложение об активах Германии в других странах. И. В. Сталин в который раз пояснил: «Мы оставляем за собой только те, которые находятся в восточной зоне», и добавил, что жертвы гитлеровской агрессии, Чехословакия и Югославия, сюда не войдут, а восточная половина Австрии войдет. Потерявший от русской щедрости ориентиры, Э. Бевин переспросил: «Ясно, что активы, принадлежащие Великобритании и США в этой зоне, не будут затронуты?» Реакция И. В. Сталина под громкий общий смех была молниеносной: «Конечно. Мы с Великобританией и США не воюем»⁴³.

Смех смехом, но на фоне разоренной страны сталинская щедрость, выглядевшая как пренебрежение интересами своего народа, казалась по меньшей мере странной и озадачивающей. Было это издержками личной дипломатии вождя или он руководствовался реальным, по его выражению, «расчетом сил»? Советские внутренние подготовительные документы к конференции не дают ответа на этот вопрос. Вполне возможно, что это явилось импровизацией на месте, когда выяснилось, что иначе будет трудно решить крайне волнующую СССР проблему репараций, особенно с учетом советского желания получить германское оборудование по максимуму «сразу и немедленно» не только из восточной, но и из западной зоны.

Допустима и другая версия: в условиях, по сути, уже разделенного мира, живущего каждый по своим законам, единственной гарантией победителя получить свое являлось присутствие армии на захваченной территории. Примером стали действия войск союзников, нарушивших согласованные в ЕКК границы советской оккупационной зоны в Тюрингии и Саксонии. Победенную Германию стали буквально рвать на части, причем тон задавали те, кого война коснулась в меньшей степени. Из советской зоны, «пока не пришли русские», которые в это время штурмовали Берлин, за спиной доблестного союзника подготовленные заранее специальные команды под руководством полковника американской контрразведки из русских эмигрантов Б. Паша (Пашковского) начали эшелонами вывозить не принадлежащее им высокотехнологичное оборудование, научные кадры, дефицитное сырье, прежде всего уран, и многое другое. Подготовленная маршалом Г. К. Жуковым по прямому указанию И. В. Сталина справка на этот счет выглядела просто ошеломляющей и, положенная на стол конференции, заставила Г. Трумэна оправдываться и обещать вернуть украденное у союзника⁴⁴.

В этой связи германская собственность в той или иной движимой или недвижимой форме вне зоны прямого советского контроля при всем ее заманчивом объеме не имела практической ценности в глазах И. В. Сталина и могла послужить разменной монетой при решении более конкретных и, как тогда казалось, более насущных вопросов. Это получило подтверждение в дальнейшем с наступлением холодной войны, когда, несмотря на все уступки И. В. Сталина на конференции, добиться от западных держав выполнения репарационных поставок из западных зон в существенных масштабах так и не удалось.

В протоколе конференции было зафиксировано, что репарационные претензии Советского Союза будут удовлетворены изъятиями из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей. Конкретная сумма репараций при этом по настоянию западных держав опускалась. Кроме того, Советскому Союзу полагались дополнительно 15% оборудования из западных зон в счет эквивалентных по стоимости поставок сельскохозяйственных и сырьевых товаров из своей зоны и 10% оборудования из западных зон без каких-либо оплаты или возмещения.

Нельзя не отметить известное противоречие между принципами и практикой обращения с Германией в оккупационный период. Если на декларативном уровне провозглашалось обращение с Германией как с единым экономическим целым, то решение репарационной проблемы предполагалось осуществить, в основном придерживаясь зонального принципа, что хотя и явилось единственным выходом из создавшегося положения, но вместе с тем сеяло первые семена будущего раскола Германии сперва на западную и советскую зоны, а затем и на два сепаратных государства.

Частью решения вопроса о захваченной победителями германской добыче являлся и вопрос о немецком военном и торговом флоте. Здесь И. В. Сталин не собирался уступать и настойчиво добивался получения Советским Союзом его законной доли, как бы ни старался У. Черчилль под надуманными предлогами отсрочить это решение. Интернированный англичанами немецкий флот казался им удобным средством давления в дипломатической игре в Потсдаме. В первый же день работы конференции И. В. Сталин прямо спросил У. Черчилля, почему он отказывается русским в получении их доли германского флота. Премьер-министр попробовал уклониться от ответа, пустившись рассуждать на тему о том, что было бы лучше: потопить флот или его разделить. На это глава советского правительства твердо заявил, что флот надо разделить, ну а если У. Черчиллю угодно, то он может потопить свою долю. Ошеломленный сталинским натиском, британский премьер-министр угрожающе ответил: «В настоящее время почти весь германский флот в наших руках». И. В. Сталин откликнулся многозначительной фразой: «В том-то и дело, в том-то и дело». Начало было, что и говорить, многообещающим, хотя козырь в руках У. Черчилля в итоге оказался слабоват. Флот пришлось разделить, причем поровну, как говорилось в подписанном протоколе, «между СССР, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами» не позднее чем 15 февраля 1946 г.⁴⁵

Советская делегация противилась увязке различных вопросов между собой и их размерам, настаивая на рассмотрении и решении вопросов по существу на основе их собственного веса и значения. Тактика увязывания, которую практиковали на конференции американцы и которой особенно увлекался Дж. Бирнс как бывший сенатор, переносилась из стен американского конгресса на дипломатические переговоры. Внешне это выглядело крайне цинично и на самом деле навязывало новый, купеческий стиль европейской дипломатии. Поражала удивительная прямолинейность, с которой американцы ворвались в формировавшуюся веками европейскую политику.

Высоко ценивший рафинированную манеру поведения Ф. Рузвельта, И. В. Сталин не принимал новый американский стиль ведения переговоров. В ходе одиннадцатого заседания конференции Дж. Бирнс, которому Г. Трумэн все чаще передоверял излагать позицию США, заявил, что американские предложения по вопросу о репарациях были внесены как часть общих, касающихся трех спорных вопросов — о репарациях, западной границе Польши и приглашении стран-сателлитов в Организацию Объединенных Наций. Он также сообщил, что делегация США идет на уступки в отношении западной границы Польши и допуска в ООН при условии достижения соглашения по всем трем вопросам. И. В. Сталин тут же резко возразил: «Они не связаны друг с другом, это разные вопросы». Однако Дж. Бирнс, чувствуя за собой поддержку президента, повторил, что США не согласятся пойти на уступки в отношении польской границы, «если не будут достигнуты соглашения по двум другим вопросам».

По всем меркам это выглядело как примитивный шантаж на уровне провинциальных американских торговцев. Остается только удивляться сдержанной силе сталинского ответа: «Г-н Бирнс здесь предлагал, чтобы все эти три вопроса были связаны в одно целое. Я понимаю его точку зрения: он предлагает такую тактику, которую он считает целесообразной. Вносить такие предложения — это право каждой делегации, но советская делегация, независимо от этого, будет голосовать по каждому из этих вопросов отдельно»⁴⁶. Несмотря на твердость занятой позиции, в Потсдаме советской делегации приходилось уступать по второстепенным вопросам, чтобы добиться согласия в более важных и принципиальных. Но неудачи конференции не желал никто, и поэтому участникам приходилось искать и находить компромиссы.

Хотя Вторая мировая война велась ради высоких идеалов, целей, принципов и свобод, закрепленных в Атлантической хартии, на самом деле она, как и свойственно большинству войнам, привела к изменению геополитической карты мира и его переделу. Вопрос заключался в том, удастся ли победителям осуществить этот передел упорядоченно дипломатическим путем в ходе конференции в Потсдаме на основе взаимной кооперации или же новые противоречия, уже заявившие о себе, помешают им это сделать. Каждая сторона, оценивая свой вклад в победу, отстаивала собственные интересы и считала, что она заслуживает большего. Исключением являлись те, кому не нашлось места за столом конференции или кто оказался в лагере побежденных.

Маршал Советского Союза И. В. Сталин на прогулке возле дворца Цецилиенхоф с президентом США Г. Трумэном

И. В. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль на Потсдамской конференции

В Москве с удовлетворением отмечали, что в ходе предварительного дипломатического зондажа западные партнеры положительно отнеслись к ряду территориальных вопросов, волновавших советских руководителей за пределами зоны их непосредственного влияния. Речь шла, например, в давних традициях русской дипломатии об изменении невыгодного СССР статуса черноморских проливов и получении там права иметь военную базу, о восстановлении утерянных Россией прав по итогам Первой мировой войны на некоторые территории на Кавказе (Тао-Кларджетия — грузинский Лазистан и Карская область), о получении СССР своей доли колониального наследства, в частности заявленной с советской стороны претензии на управление итальянскими колониями, и о многом другом. В западной литературе эти советские планы обычно рассматривались как примеры коммунистической или имперской экспансии, хотя при этом замалчивались и обходились стороной еще более амбициозные программы США и Великобритании по переделу мира в свою пользу или удержания временно оккупированных территорий.

Разногласия в этой связи между победителями не замедлили проявиться в Потсдаме, когда И. В. Сталин коснулся вопроса об итальянских колониях в Африке. Реакция У. Черчилля, если затрагивались британские имперские интересы, была по обыкновению весьма болезненной и сводилась к тому, что «британская армия одна завоевала эти колонии» и поэтому вопрос считался исчерпанным. Возмущенный такой откровенной британской жадностью, Г. Трумэн смог лишь удивиться: «Все?». Реакция И. В. Сталина под общий хохот собравшихся за столом была еще более характерной: «А Берлин взяла Красная армия». У. Черчилль, почувствовав, что оказался в меньшинстве, попробовал лавировать, пустившись в рассуждения, что рассматривался якобы вопрос о том, не подойдут ли некоторые из итальянских колоний для расселения там евреев. В это время на Западе как раз обсуждался вопрос о создании «национального очага» для выжившего после гитлеровского холокоста еврейского населения. Однако И. В. Сталин вернул У. Черчилля к сути вопроса, потребовав указать, каким государствам итальянские колонии будут переданы под опеку, если Италия, как заявил в британском парламенте А. Иден, их потеряла. У. Черчилль вновь уклонился от ответа, и вопрос был передан на обсуждение министрам иностранных дел⁴⁷.

Веда переговоры с союзниками, советское руководство исходило также из того, что СССР становился после войны великой державой и мог встать в один ряд с другими «владыками морей», и таким образом, его флот имел заинтересованность в выходе в Средиземное море и Мировой океан. Это остро ставило вопрос пересмотра конвенции в Монтрё о режиме проливов, которая обрекала советский черноморский флот на зависимое от Турции положение, а также о получении в проливах Босфор и Дарданеллы советской военной базы. Как заявил своим собеседникам И. В. Сталин, права Советского Союза по конвенции в Монтрё такие же, как права японского императора. Кроме того, с советской стороны на конференции был поставлен вопрос и о том, что в случае заключения с Турцией союзного договора, предложенного самой Анкарой, СССР должен был вернуть себе территории Карса и Ардагана, утерянные в период революционной смуты и распада Российской империи.

Однако в этой острой дипломатической игре И. В. Сталин переоценил свои возможности и недооценил противодействие союзников, взявших под защиту Турцию. По этому вопросу не было единства и в советском руководстве, в частности против осторожно выступал В. М. Молотов, если верить его воспоминаниям, хотя и вынужден был проводить линию вождя. «Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили... Это было несвоевременное, неосуществимое дело. Сталина я считаю замечательным политиком, но у него тоже были свои ошибки... В последние годы Сталин немножко стал зазнаваться, и мне во внешней политике приходилось требовать то, что Милоков требовал, — Дарданеллы! Сталин: «Давай, нажимай! В порядке совместного владения». Я ему: «Не дадут». — «А ты потребууй!»⁴⁸

Первым на советские претензии весьма остро среагировал У. Черчилль. На протяжении веков Турция была камнем преткновения между двумя империями, так как контролировала ворота Британской Индии и выход на Ближний Восток — зону жизненно важных колони-

альных интересов Лондона, подкрепленных после войны возросшей ролью нефти в мировой политике. В английском внешнеполитическом ведомстве обеспокоенно говорили, имея в виду также и присутствие советских войск в Иране, что Россия после войны «трется» о Британскую империю. Поэтому У. Черчилль прямо заявил, что он не сможет «поддержать предложение о создании русской военной базы в проливах» и не думает, «чтобы Турция согласилась с этим предложением». Так начинался путь, который меньше чем через два года привел Англию к передаче своих полномочий по охране «стратегического перекрестка» «старшему брату», взявшему под опеку Турцию и Грецию под флагом «доктрины Трумэна», чтобы остановить советское продвижение, как боялись в Вашингтоне, к ближневосточной нефти.

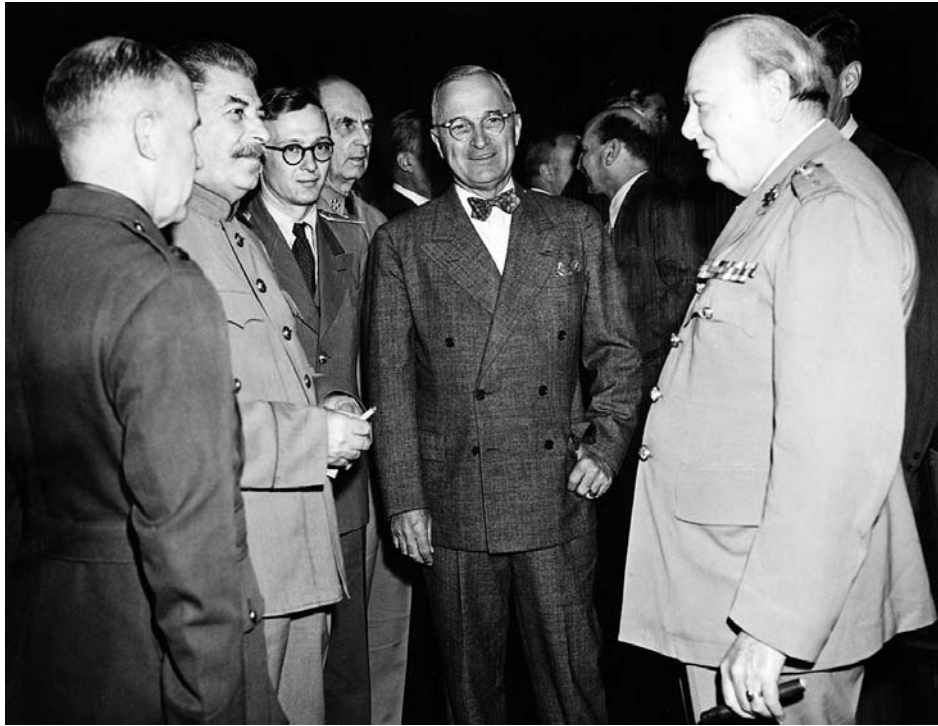
Но тогда, в Потсдаме до этого было еще далеко, и американцы предприняли неожиданный ход, предложив И. В. Сталину объединить проблему проливов с вопросом о международных внутренних водных путях. Конкретно речь шла о том, чтобы объявить судоходство по Дунаю и Рейну полностью свободным в духе нового издания доктрины «открытых дверей» для Европы, как в XIX в. это было сделано в отношении Китая под лозунгами «свободы торговли» и «равных возможностей». Судя по всему, американское предложение в увязке с проливами застигло И. В. Сталина врасплох и сразу же насторожило. Он интуитивно почувствовал скрытый подвох и тут же спросил, о каких конкретно водных путях идет речь. Г. Трумэн с обезоруживающей прямоотой ответил, что обо всех, имея в виду страны Европы, расположенные по Дунаю и Рейну. Идея Г. Трумэна предусматривала создание «временных навигационных органов», в которых американцы, разумеется, собирались играть не последнюю роль. Было ясно, что Америка не рассталась с мыслью «подвинуть» Советский Союз в зоне его главных интересов. Тут было о чем задуматься. Глава советской делегации не хотел импровизировать и попросил таймат⁴⁹. Как он любил говорить: «На слух хорошо, но надо вчитаться».

В итоге, вся трудолюбиво выстраиваемая советской дипломатией новая геополитическая конструкция давала трещину. Такой размен Москве был невыгоден. Баланс интересов оказался нарушен. Г. Трумэн продолжал настаивать, чтобы эти два вопроса были рассмотрены вместе, и И. В. Сталин пришел к выводу, что в отношении проливов не удастся достичь соглашения, «поскольку наши взгляды весьма расходятся». Все последующие настойчивые попытки американцев вернуться к обсуждению представленного ими документа о «свободной и неограниченной навигации по международным внутренним путям» успеха не имели. И. В. Сталин в несвойственной ему резкой и раздраженной форме даже отказался включить этот вопрос в коммюнике конференции. «Нет в этом нужды... — сказал он Г. Трумэну, вложив в эти слова всю свою обиду на неблагодарность союзника. — Вопрос о водных путях возник в качестве бесплатного приложения к вопросу о проливах. И почему отдается такое предпочтение вопросу о внутренних водных путях перед вопросом о проливах, я не понимаю»⁵⁰. Сухим остатком для Советского Союза в этой части переговоров явилось, пожалуй, лишь окончательное решение вопроса о присоединении к СССР части Восточной Пруссии с городом Кёнигсбергом, согласованное еще в Крыму. С этим спорить союзникам было невозможно, поскольку там стояли советские войска.

В научных кругах до сих пор идут споры, прав ли был И. В. Сталин, отстаивая интересы Советского Союза за счет проигравших войну стран. Считается, что это было вызовом западному миру, ускорившим наступление холодной войны и усугубившим тяготы послевоенного восстановления для советского народа. Получается, что одним победителям было можно, а другому, внесшему основной вклад в победу, — нельзя. Логика, надо прямо сказать, по меньшей мере странная и односторонняя. В некоторых столицах ею руководствуются и по сей день, без тени смущения считая: что положено одним, то не положено другим. На самом деле в истории войн не было такого случая, чтобы победитель удовлетворился восстановлением довоенного статус-кво. И. В. Сталин играл по правилам, принятым в то время, и понимал политику как искусство возможного, хотя при этом и допускал некоторые просчеты.

И. В. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль пожимают руки на Потсдамской конференции

И. В. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль в перерыве между заседаниями

Групповой портрет лидеров большой тройки

В Потсдаме поднималась и тема справедливого суда над нацистскими преступниками, так как параллельно между тремя державами шла интенсивная подготовка к работе Международного военного трибунала над главарями нацистской Германии в Нюрнберге.

Всю войну Ф. Рузвельт и У. Черчилль состязались между собой в кровожадности в отношении неизбежной расправы над А. Гитлером и его преступной кликой. В Каире в 1943 г. они пришли к выводу, что нацистских преступников следовало расстреливать на месте без суда и следствия. На второй Квебекской конференции в 1944 г. они договорились о немедленной ликвидации главарей Третьего рейха. У. Черчилль считал, что следовало просто расстрелять первую сотню нацистских вождей, и мрачно шутил, что готов проявить великодушие и увеличить время с момента обнаружения крупного нациста до его расстрела с одного до шести часов. С таким настроением У. Черчилль приехал в Москву в октябре 1944 г. и с удивлением обнаружил, что его воинственность там не поддерживают. Информировав Ф. Рузвельта о своих переговорах с И. В. Сталиным, У. Черчилль сообщал: «Дядя Джо повел себя неожиданно свехреспектабельно, мол, «не должно быть никаких казней без суда, иначе мир решит, что мы боимся процессов». Я указал на трудности в международном праве, но он повторил, что не должно быть смертных казней без суда»⁵¹.

Настроения западных союзников начали меняться только под воздействием общего переосмысления ими ситуации в Европе и назревающей смены политической парадигмы по принципу «друзья — враги». Это уже можно было почувствовать в ходе обсуждения темы военных преступлений в Потсдаме. Вопрос сам по себе вроде бы представлялся очевидным, но неожиданно между союзниками возникли разногласия при его обсуждении. Англичане и американцы выступили против упоминания конкретных имен военных преступников и предложили оставить это на усмотрение главного обвинителя трибунала — американского судьи Р. Джексона, вокруг имени которого в США создан подлинный культ негибаемого борца с фашизмом. Утверждалось, что упоминание конкретных имен якобы могло помешать работе трибунала, хотя имена главных нацистов были и так у всех на слуху. На самом деле к тому моменту американцы еще не решили, как быть с некоторыми немецкими промышленниками и финансистами, которые привели А. Гитлера к власти и создали его военную машину, а поэтому тянули время. Многие из них имели тесные связи с крупными американскими корпорациями, чьи имена могли всплыть в ходе процесса и вызвать нежелательный общественный резонанс. Как несколько позднее структурировал американского обвинителя заместитель министра обороны США Р. Паттерсон, «не может быть и речи о том, чтобы позволить русским судить промышленников ввиду многочисленных связей между германскими и американскими экономиками до войны, так как это создаст великолепную возможность скомпрометировать США в ходе процесса»⁵².

Трудно сказать, знал ли И. В. Сталин об этих тайных озабоченностях союзников, когда решительно озвучил советскую точку зрения. «Имена, по-моему, нужны, — заявил он. — Это нужно сделать для общественного мнения. Надо, чтобы люди это знали. Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников? Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовем других». Брошенный камень, судя по всему, попал в цель. Г. Трумэн вынужден был заметить: «Все они мне не нравятся». И. В. Сталин между тем продолжал отстаивать свою линию и обратился к англичанам, поинтересовавшись, почему заместитель А. Гитлера Р. Гесс, чей полет в Лондон в канун войны вызвал сильные подозрения Москвы о новом англо-германском сговоре, сидит в Англии на всем готовом и не привлекается к ответственности. Э. Бевин вынужден был оправдываться и обещал предать его суду. Добившись желаемого эффекта, И. В. Сталин предложил не позднее чем через месяц опубликовать первый список привлекаемых к суду немецких военных преступников. Все согласилось.

Следует, однако, отметить, что суд над промышленниками так никогда и не состоялся. Старика Круппа фон Болена, 75-летнего пушечного короля, крестного отца «Большой Берты», обстреливавшей в годы Первой мировой войны Париж, нашли в его поместье в Австрии и после медицинского освидетельствования с участием советских врачей сочли невменяемым.

А дело его сына Альфреда по настоянию англичан, несмотря на возмущение французов, было отложено в долгий ящик. Финансовый гений Третьего рейха Я. Шахт, обеспечивший А. Гитлеру неограниченный кредит на Западе перед войной, несмотря на протесты советского обвинения, пользовался особым расположением западной Фемиды.

В секретных инструкциях, направленных из Москвы советским обвинителям в Нюрнберге, говорилось: «Шахт — ни в коем случае не соглашаться с судьями. Надо буквально ультимативно требовать полного обвинения Шахта и применения смертной казни. Доводы: а) Шахт прямо помогал Гитлеру прийти к власти; б) он организовал финансовую поддержку фашистов, включив в это немецких капиталистов; в) Шахт организовал и осуществлял финансирование агрессии Германии против других стран; г) ссылки Шахта на якобы отход его от Гитлера и уход в оппозицию материалами дела не подтверждены и являются желаемым предположением тех, кто пытается спасти Шахта»⁵³.

Один из американских следователей на процессе — Ф. Адамс — свидетельствовал, что на английский судью Дж. Лоуренса сильное давление оказал специально прибывший в Нюрнберг управляющий Английским банком М. Норманн, известный «умиротворитель» фашистской Германии и довоенный приятель Я. Шахта. «Мы считали, — отмечал Ф. Адамс, — что Норманн убедил Лоуренса, что банкиры не могут быть преступниками»⁵⁴. В итоге Я. Шахт был полностью оправдан и освобожден в здании суда.

Война привела в движение огромные массы людей, лишила привычной мирной жизни, изломала судьбы. Многие из них оказались в лагерях для военнопленных по обе стороны фронта. С открытием в 1990-е гг. российских архивов эта тема заняла видное место в современной исторической науке.

В Потсдаме вопрос о скорейшем возвращении советских военнопленных домой был поставлен советской делегацией в связи с имевшимися фактами препятствования этому со стороны властей союзников. В ответ на сбивчивое объяснение У. Черчилля И. В. Сталин заметил: «Мы обязаны в этих случаях по договору оказывать друг другу помощь и не мешать гражданам возвращаться на родину, а наоборот, помогать им возвратиться домой»⁵⁵. Речь шла о соглашениях с США и Великобританией, подписанных 11 февраля 1945 г. во время Крымской конференции относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками союзников. Соглашения предусматривали мероприятия по защите, содержанию и репатриации военнопленных и гражданских лиц, освобожденных союзными вооруженными силами, вступившими в Германию. Дело было в том, что советские военнопленные, как правило, содержались немцами в Западной Европе, оккупированной союзниками, а военнопленные США и Великобритании — на территории, освобожденной Красной армией. Разумеется, их количество было несопоставимо, и основную массу узников концлагерей составляли попавшие в плен советские военнослужащие.

Судя по тону ряда памятных записок, отправленных советской стороной в адрес американской и английской делегаций в ходе Потсдамской конференции в отношении содержания и репатриации советских военнопленных, этот вопрос становился серьезным «яблоком раздора» в отношениях между союзниками. В представленных документах указывалось, например, что в британском лагере в Италии из советских военнопленных в количестве 10 тыс. человек, а не 150, как первоначально сообщала британская сторона, была сформирована целая дивизия, командный состав которой подобран из немецких офицеров. При этом выяснилось, что лица, желавшие вернуться на родину, как указывалось, «подвергались плохому обращению, вплоть до избиений». Такие же трудности, судя по другим представлениям с советской стороны, чинились британскими властями в Норвегии и самой Англии в отношении выходцев из Прибалтийских республик и областей Западной Украины и Белоруссии, которые содержались вместе с немецкими военнопленными и к которым советские представители не допускались⁵⁶.

В дополнение к проблеме военнопленных с советской стороны в ходе предпоследнего заседания большой тройки 1 августа 1945 г. был поставлен вопрос о враждебной СССР деятельности белоэмигрантов и других лиц и организаций в американской и английской

зонах оккупации в Германии и Австрии. Дело осложнялось тем, что многие военнопленные и интернированные, а не только бывшие власовцы и белоэмигранты вроде атамана П. Н. Краснова, сотрудничавшие с нацистами по доброй воле или по принуждению, не проявляли желаний вернуться на родину, опасаясь возмездия. Сталинские слова, сказанные в начале войны, чтобы остановить массовую сдачу в плен, что «нет военнопленных, а есть предатели», не были забыты.

В ряде случаев союзники оказывались в сложном положении, вынужденные, чтобы не обострять отношения с СССР, передавать чуть ли не силой некоторых перемещенных лиц. Это, конечно, не означает, что не шли активная вербовка советских военнопленных, их запугивание репатриацией на родину и принуждение наиболее ценных специалистов остаться на Западе. Словом, это была великая человеческая трагедия на заключительном этапе войны, которая напоминала о себе еще многие десятилетия. По сообщению уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф. И. Голикова, только к 7 сентября 1945 г. западными союзниками были выданы 2 229 552 человека, а всего по итогам 1945 г., после советского дипломатического нажима в Потсдаме, репатриированы 5 236 130 советских граждан⁵⁷.

Характерно, что в Потсдаме не было ни устных, ни письменных жалоб на положение западных военнопленных, освобожденных в немецких лагерях Красной армией. Этим жалоб и быть не могло, потому что к тому времени советские власти, действуя с опережением графика, уже в основном завершили репатриацию военнопленных союзников. Их основная масса, большей частью американцы, выезжали через транзитный пункт в Одессе. Несмотря на трудности и неразбериху военного времени, а также разные представления о бытовом комфорте, советские власти не стремились превратить этот вопрос в средство давления на союзников. Как признавал глава американской военной миссии в Советском Союзе генерал Дж. Дин, которого трудно было заподозрить в избытке симпатий к русским, «условия, созданные советской и репатриационной комиссией в Одессе, были настолько хорошими, насколько можно было ожидать. Хотя они создавались на ходу, но неуклонно улучшались на протяжении всего периода пребывания там наших солдат»⁵⁸.

Начало ядерного века

Потсдамская конференция шла к своему финалу в ускоренном и уплотненном режиме. Одним вопросам подводилась окончательная черта, другие давали богатую пищу для размышлений на будущее. В тугой политической узел сплелись обретенная американцами атомная бомба и предстоящая на Дальнем Востоке решающая схватка с Японией. Вовлеченным в этот новый алгоритм оказался и Советский Союз, придерживавшийся в годы войны пакта о нейтралитете с Японией.

Американцев раздирали противоречия. С одной стороны, только что успешно испытанная бомба вроде бы давала им дополнительный шанс самостоятельно, без русской помощи, справиться с японцами и тем самым лишить И. В. Сталина его доли трофеев, то есть возможности претендовать на участие в управлении побежденной Японией. Но, с другой стороны, машина уже была запущена, и без большого скандала и риска ее трудно было остановить, да и бомба еще не была испытана в боевых условиях и могла неожиданно дать осечку. Во всяком случае, американские военные продолжали придерживаться консервативной стратегии и считали, что с учетом возможности переброски миллионной Квантунской группировки войск из Северного Китая на Японские острова «с русскими все-таки было надежнее, чем без русских». К ним вынужден был прислушиваться и Г. Трумэн.

При первой же встрече с главой советской делегации в Потсдаме, зная уже об успешном испытании в США нового оружия, он тем не менее по собственной инициативе поставил

вопрос о вступлении СССР в войну против Японии. В советской записи беседы зафиксировано: «Трумэн говорит, что дела у союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась английская помощь. Но США ожидают помощи от Советского Союза. Сталин отвечает, что Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово. Трумэн выражает свое удовлетворение по этому поводу»⁵⁹.

Мало того, И. В. Сталин думал о том, как ускорить начало боевых действий против японцев. Поэтому 16 июля 1945 г., то есть еще накануне беседы с Г. Трумэном и официального открытия конференции, глава советского правительства позвонил из Потсдама главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А. М. Василевскому и поинтересовался ходом подготовки операции и возможностью переноса сроков наступления на десять дней ранее. А. М. Василевский, сославшись на большие организационные трудности, ответил отрицательно и просил не менять первоначальный план. Смирившись с военной необходимостью, И. В. Сталин согласился оставить все без изменений. Хотя Верховный главнокомандующий воздержался от разъяснения мотивов, вызвавших его вопрос, маршал А. М. Василевский заключил, что он руководствовался «общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американо-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии»⁶⁰.

Советская разведка дважды информировала советское руководство о сроках предстоящего испытания ядерной бомбы в Аламогордо: первый раз — 13 июня и второй — 4 июля. Однако, как свидетельствует генерал П. А. Судоплатов, «мы не предвидели, несмотря на подробные данные о завершении работ по атомной бомбе, что американцы применят ядерное оружие против Японии»⁶¹. Вероятно, в умах даже прагматиков из разведки не укладывалось, что в шаге от победы, когда судьба Японии была уже предрешена, может быть принято решение об использовании против нее столь бесчеловечного сверхоружия. Между тем еще в июне, то есть задолго до полигонных испытаний, военными в Вашингтоне был подготовлен список из пяти японских городов в качестве целей для нанесения атомных ударов.

Во всяком случае, И. В. Сталин перед первой встречей с Г. Трумэном уже знал, что американцы добились большого успеха и вырвались вперед в ядерной гонке. О взрыве в пустыне под Аламогордо первого американского атомного устройства глава советского правительства узнал из доклада Л. П. Берия еще до встречи с Трумэном. И. В. Сталин был очень недоволен, и его раздражение понятно, поскольку американцы нас опередили. А на вопрос, как обстоят дела у нас, Л. П. Берия доложил, что потребуются еще год-два, поскольку советский проект находился на том уровне, который не позволял ответить на вызов американцев раньше⁶².

Ситуация была закономерна. Страна в годы войны не могла позволить себе отвлекать средства от срочных военных нужд на перспективные цели завтрашнего дня. Если американцам в разгар войны ядерная программа обошлась в 2 млрд долларов, что по тем временам было колоссальной суммой, и они превратили страну, как говорил Н. Бор, в одну большую фабрику, на которой над созданием бомбы работали 130 тыс. человек, то советские создатели ядерного оружия получили в 1942 г. из правительственной казны на исследовательские цели и приобретение оборудования за рубежом 30 тыс. рублей⁶³. Не говоря уже о том, что в США бежали, спасаясь от нацистской угрозы, лучшие научные умы мира. Над созданием бомбы в Лос-Аламосе трудились 12 нобелевских лауреатов. Только когда бомба стала мрачной реальностью, грубо и зримо вторглась в мировую политику, на ее создание в СССР были брошены все возможные средства.

Поэтому, когда через несколько дней после начала конференции Г. Трумэн после долгих колебаний созрел для того, чтобы поставить в известность своего боевого союзника о появлении у американцев «нового оружия сверхразрушительной силы», И. В. Сталин был невозмутим. Эта невозмутимость и нежелание поддерживать как бы случайную беседу объяснялись лишь тем, что глава советского правительства был уже в курсе событий и не считал нужным помогать американцу запоздало соблюсти приличия в отношении союзника. Он, внимательно выслушав Г. Трумэна, ограничил свою реакцию лишь сдержанным «спасибо»,

как об этом повествует находившийся с ним маршал Г. К. Жуков, и не стал продолжать беседу. И так все было ясно: требовалось как можно быстрее наверстывать упущенное.

Потсдамская конференция явилась первым сигналом для Москвы, что американцы постараются максимально ограничить советское участие в дальневосточных делах, прежде всего в управлении послевоенной Японией. Соответствующий сигнал был дан при подготовке и подписании Потсдамской декларации с требованием безоговорочной капитуляции Японии. Формально СССР, не участвовавший в войне с Японией, мог и не подписывать эту декларацию с требованием в адрес японских милитаристов сложить оружие. Но в Москве считали, что будет правильнее продемонстрировать единство с союзниками в дальневосточных делах, и поэтому обратились с просьбой к американцам отложить подписание декларации до ознакомления с ней советского правительства. Однако США под надуманным предлогом отказались это сделать и передали текст декларации уже тогда, когда он был отправлен в прессу для публикации. Тем самым СССР был поставлен перед свершившимся фактом. И. В. Сталин был возмущен таким отношением и не преминул назвать вещи своими именами, сообщив союзникам в ходе десятого заседания об очередной просьбе японцев к СССР о посредничестве: «Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях». Дж. Бирнс так объяснил это В. М. Молотову после очередного заседания большой тройки 27 июля 1945 г.: «Декларация не была представлена Молотову раньше, так как Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией и президент не хотел создавать затруднения для советского правительства»⁶⁴.

В этом дипломатически безукоризненном ответе заключалось копившееся всю войну раздражение американцев в отношении советской политики соблюдения строгого нейтралитета в войне на Дальнем Востоке. После капитуляции Японии были отброшены и дипломатические приличия. Когда В. М. Молотов в беседе с А. Гарриманом попробовал коснуться темы об участии СССР в оккупации Японии и желательности наделения маршала А. М. Василевского такими же полномочиями, какими обладал американский командующий генерал Д. Макартур, ему было сказано в довольно грубой форме, что США воевали четыре года, а Советский Союз — всего лишь четыре дня, но хочет иметь такие же права, как Соединенные Штаты. Американцы не собирались ни с кем делиться плодами победы на Дальнем Востоке. На это, правда, можно было ответить, что за четыре дня Советскому Союзу удалось сделать уж никак не меньше, чем США за четыре года.

В американском массовом сознании прочно укоренилась мысль о том, что именно бомба спасла многие человеческие жизни и решила судьбу Японии, положив конец Второй мировой войне. Парадоксально, но такого взгляда на прошлое придерживаются и японцы. Если для США это служит моральным оправданием первого и единственного применения атомного оружия по мирным целям, то с Японии снимает позор капитуляции как единственно возможного и продиктованного гуманными соображениями решения в тех условиях. Между тем истина, как известно, в деталях, точнее — в их точном и последовательном изложении.

В наши дни, спустя много лет после описанных событий, в солидном американском журнале «Форин полиси» появилась статья под характерным заголовком «Не бомба победила Японию, а Сталин». Ее автор У. Уилсон аргументированно доказывает, что ни угрозы со стороны Г. Трумэна «стереть Японию в порошок», ни ядерные бомбардировки Хиросимы 6 августа и Нагасаки 9 августа не заставили японскую военщину сложить оружие⁶⁵.

Большие надежды Соединенные Штаты весной и летом 1945 г. возлагали на воздушную войну против Японии. Американские ВВС проводили столь же безжалостные и масштабные воздушные налеты на японские города, как и в Германии. Так, если в 1942–1944 гг. американская авиация осуществила всего 76 налетов, в которых приняли участие 2079 самолетов, то лишь в марте 1945 г. она бомбардировала японские города 91 раз, а количество самолетов-вылетов составило 3509. Но наибольшая интенсивность налетов приходилась на июль, когда было совершено 20 859 самолетов-вылетов. Всего в ходе воздушной войны на острова собственно Японии было сброшено 160,8 тыс. тонн американских бомб, из них 147 тыс.

тонн — стратегическими бомбардировщиками В-29, способными нести бомбовую нагрузку каждый весом от семи до девяти тонн⁶⁶.

После поражения фашистской Германии и ее европейских союзников Япония оказалась в безвыходной стратегической ситуации, один на один с коалицией великих держав. Но ее сухопутная армия по-прежнему отличалась высокой боеспособностью и сильным моральным духом. Под ружьем находились почти 4 млн человек, из которых 1,2 млн отвечали за оборону Японских островов. Эти войска были сосредоточены в основном на юге, на острове Кюсю, откуда ожидалось американское вторжение. Боевой дух самураев не был сломлен, и американцы понимали, что в случае высадки, планировавшейся на начало ноября, их ждет крайне жесткая встреча.

Поэтому японская верхушка в оставшееся время очень надеялась выторговать для себя почетные условия капитуляции, но для этого важно было удержать от вступления в войну Советский Союз. На заседании Высшего совета еще в июне 1945 г. его участники пришли к выводу, что если СССР вступит в войну, «это определит судьбу империи». Заместитель начальника штаба японской армии Т. Кавабэ на том совещании заявил: «Поддержание мира в наших отношениях с Советским Союзом — это неперемненное условие продолжения войны»⁶⁷. Японцы ошибочно исходили из того, что Советский Союз не заинтересован в усилении США на Дальнем Востоке и, пользуясь своим нейтральным статусом, захочет сыграть роль посредника в тихоокеанской войне, чтобы не допустить полного разгрома Японии.

Эти расчеты рухнули, когда 8 августа в соответствии с взятыми обязательствами СССР объявил войну Японии и присоединился к Потсдамской декларации. «Когда русские вошли в Маньчжурию, они просто смяли некогда элитную армию, и многие их части останавливались лишь тогда, когда заканчивалось топливо»⁶⁸. За быстрым разгромом Квантунской группировки последовал стремительный десант советских войск на Южный Сахалин, а в двухнедельный срок планировалось осуществить вторжение на самый северный из Японских островов — Хоккайдо. Шансов у Японии не оставалось. 15 августа император Хирохито объявил о капитуляции Японии. И подлинной причиной здесь явилась не атомная бомба, а стремительное наступление советских войск.

Потсдамская конференция подвела черту под шестилетним периодом Второй мировой войны и обозначила исторический рубеж между войной и миром. Вместе с тем она отразила новую ситуацию, возникшую в мире в результате победы стран антигитлеровской коалиции над блоком государств-агрессоров. Ценой миллионов человеческих жизней и колоссальных разрушений одни глобальные противоречия были разрешены, а другие только начинали заявлять о себе в связи с изменением геополитической карты мира, его новым переделом и столкновением интересов между победителями во Второй мировой войне.

В целом участникам Потсдамской конференции удалось на время, впрочем весьма недолгое, смягчить наметившиеся разногласия и не допустить открытого разрыва между собой. Тогда трудно было в полной мере оценить подлинные масштабы и глубину этих разногласий, так как открыто еще не заявили о себе идеологические факторы. Стороны предпочитали договариваться там, где это было возможно, проявляли известную терпимость и гибкость, понимание интересов друг друга и откладывали на потом трудные вопросы.

И если об «атмосфере одной большой семьи», по выражению Ф. Рузвельта в Крыму, говорить уже не приходилось, то не было еще и открытой враждебности и воинственности, ставших отличительными чертами холодной войны. Видимо, поэтому перед расставанием с партнерами И. В. Сталин, отдавая дань традиционной союзнической вежливости, сдержанно заявил: «Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной»⁶⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Berlin I. Personal Impressions. N. Y., 1981. P. 156–155.
- ² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945 (in two volumes). Vol. 1. Washington, 1960. P. 13.
- ³ Defending the West. The Truman — Churchill Correspondence, 1945–1960. Westport, 2004. P. 57.
- ⁴ *Brendon Piers*. The Decline and Fall of the British Empire. 1781–1997. London, 2007. P. 372–414.
- ⁵ *Steil Benn*. The Battle of Bretton — Woods: John Meinard Keynes, Harry Dexter White and the Making of a New World Order. Princeton Univ. Press, 2013. P. 292–298.
- ⁶ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 2. С. 416.
- ⁷ *Truman Margaret*. Harry S. Truman. N. Y., 1973. P. 283.
- ⁸ *Gaddis John Lewis*. We Now Know. Rethinking Cold War History. N. Y. 1998. P. 32.
- ⁹ The Memoirs of Harry S. Truman. Vol. 1. The Year of Decisions. N. Y., 1955. P. 411.
- ¹⁰ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 366.
- ¹¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 2. С. 250.
- ¹² Новая и новейшая история. № 3. 2013. С. 18.
- ¹³ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 367.
- ¹⁴ *Harriman A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. N. Y., 1975. P. 474–475.
- ¹⁵ *Speer Albert*. Inside the Third Reich. N. Y., 1970. P. 303.
- ¹⁶ *Лота В. И.* Ключи от ада. Атомная эпопея тайного противоборства разведок великих держав. М., 2009. С. 72, 188–189, 192.
- ¹⁷ См.: *Ирвинг Д.* Разрушение Дрездена. Самая крупномасштабная бомбардировка Второй мировой войны. 1944–1945 гг. М., 2005.
- ¹⁸ См.: *Борисов А. Ю.* Уроки второго фронта, или Могла ли Европа разделить судьбу Хиросимы и Нагасаки. М., 1989.
- ¹⁹ *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 215.
- ²⁰ *Бэггот Дж.* Тайная история атомной бомбы. М., 2011. С. 374–375.
- ²¹ Там же.
- ²² *Чуев Ф.* Молотов: полудержавный властелин. М., 2002. С. 102, 115.
- ²³ *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 204.
- ²⁴ См.: *Applebaum A., Curtain I.* The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956. Doubleday, 2012; *Рус Лоуренс.* Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М., 2012.
- ²⁵ *De Santis H.* The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, The Soviet Union and the Cold War. 1933–1947. Chicago, 1980. P. 148.
- ²⁶ *Борисов А. Ю.* СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945 гг. М., 1983. С. 251.
- ²⁷ The Truman Presidency. The Origins of the Imperial Presidency and The National Security State. N. Y., 1979. P. 123.
- ²⁸ Советско-английские отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 386.
- ²⁹ *Борисов А. Ю.* Так начиналась «холодная война». М., 1983. С. 80.
- ³⁰ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 369.

- ³¹ 1 ярд — 0,914 м.
- ³² *Rhodes R.* The Making of the Atomic Bomb. N. Y. 1986. P. 658, 685. Полный текст самого документа см: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945 (in two volumes). Vol. 1. P. 1360.
- ³³ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). Сб. документов. М., 1980. С. 42.
- ³⁴ *Judt Tony.* Postwar. A History of Europe since 1945. London, 2007. P. 125.
- ³⁵ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 66.
- ³⁶ Там же. С. 102.
- ³⁷ Там же. С. 181.
- ³⁸ Там же. С. 64.
- ³⁹ Там же. С. 133.
- ⁴⁰ Там же. С. 197.
- ⁴¹ *Yergin D.* Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977. P. 430.
- ⁴² Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 251, 253.
- ⁴³ Там же. С. 272–276.
- ⁴⁴ Там же. С. 392–399.
- ⁴⁵ Там же. С. 54.
- ⁴⁶ Там же. С. 250.
- ⁴⁷ Там же. С. 141; Подробнее: *Чичкин А.* Неизвестные союзники Сталина. 1940–1945 гг. М., 2012. С. 42–82.
- ⁴⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 102–103.
- ⁴⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 144, 158.
- ⁵⁰ Там же. С. 286.
- ⁵¹ *Bower T.* Blind Eye to Murder. Britain, America and Purging of Nazi Germany — A Pledge Betrayed. London, 1981. P. 82, 84.
- ⁵² *Higham Ch.* Trading with the Enemy. An Expose of the Nazi-American Money Plot. 1933–1949. N. Y., 1983. P. 232.
- ⁵³ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 2. Д. 3. Л. 9; Нюрнбергский процесс: уроки истории. М., 2007.
- ⁵⁴ *Bower T.* Blind Eye to Murder. Britain, America and Purging of Nazi Germany — A Pledge Betrayed. P. 347; *Walden G.* How Hitler Lost a Demented Wager Made in Money, Guns and Blood. Bloomberg, 2006; *Шахт Я.* Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–194 гг. М., 2011.
- ⁵⁵ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 189.
- ⁵⁶ Там же. С. 362, 428, 445.
- ⁵⁷ *Цурганов Ю.* Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945 гг. М., 2010. С. 223–224.
- ⁵⁸ *Deane J.* The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation With Russia. N. Y., 1947. P. 265.
- ⁵⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 43; Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. N. Y., 1980. P. 53.
- ⁶⁰ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1984. С. 468–469.
- ⁶¹ *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 203–204.
- ⁶² *Обухов В. Г.* Уран для Берии. Восточный Туркестан в атомном проекте Кремля. М., 2010. С. 91.
- ⁶³ *Лота В. И.* Указ. соч. С. 72.
- ⁶⁴ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 218, 222.

⁶⁵ *Wilson Ward*. The Bomb Didn't Beat Japan... Stalin Did. Have 70 Years of Nuclear Policy been based on a Lie? «Foreign Policy». May 29, 2013.

⁶⁶ *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 116.

⁶⁷ *Wilson Ward*. The Bomb Didn't Beat Japan... Stalin Did. Have 70 Years of Nuclear Policy been based on a Lie? «Foreign Policy». May 29, 2013.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). С. 300.